

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

4 (248) •
апрель 2019

ТЕМА

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

стр. 3

АРХИЕРЕЙСКАЯ
ЛИТУРГИЯ НА
РУССКОМ ЯЗЫКЕ
стр. 2

ЕСЛИ ХРИСТИАНСТВО
НЕ СТАНОВИТСЯ
ПОЛНОТОЙ ЖИЗНИ,
ТО ЭТО ВСЁ-ТАКИ
НЕ ХРИСТИАНСТВО
стр. 14

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
XIII Научно-богословская конференция

13.05–15.05, Москва – Подмосковье

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ: служение Церкви и её устройство

Свято-Филаретовский институт продолжает серию научно-богословских конференций, посвящённых православной экклезиологии. На конференции 2017 года обсуждались церковная рецепция евхаристической экклезиологии протопресвитера Николая Афанасьева, а также современные трактовки значения Евхаристии в формировании и жизни церковного собрания. Состоявшийся разговор выявил ряд проблем, связанных с пониманием самой природы Церкви и её границ, что стало темой майской конференции 2018 года, которая, в свою очередь, выявила новые вопросы о взаимосвязи устройства Церкви и её служения.

Соотношение призвания Церкви и её устройства остаётся недостаточно осмысленным. Особенно страдает тема частого несоответствия исторического бытия Церкви евангельской норме, где среди прочего остро стоит вопрос о причинах редукции харизматического начала в пользу доминирующего на сегодняшний день начала институционального. В недостаточную разработанность этих аспектов экклезиологической теории часто упираются возможности практического осуществления христианами своей ответственности за весь мир в современных реалиях, в условиях доминирования секулярных принципов устройства социальной жизни как в национальном, так и в международном масштабе.

ОРГКОМИТЕТ:

Тел.: +7 (495) 623-03-80

+7 (968) 937-34-64 Алина Патракова

+7 (965) 297-92-07 Анна Сафронова

E-mail: conference@sfi.ru

Содержание

АПРЕЛЬ 2019

~ Новость номера

Архиерейская литургия
на русском языке | 2

~ Экклезиология

Комитет церковных
дел | 6

Проблема границ
задаёт для Церкви
вектор обращённости
к миру | 8

~ Открытая встреча

Если христианство не
становится полнотой
жизни, то это всё-таки
не христианство | 14

~ Тема номера

Время мира | 3

~ Живое предание

«Холодно, сиротливо,
уныло в наших храмах» | 10

Братский помянник | 18

~ Вспомнить и оплакать всех

Два последних адреса
в Туле | 20

~ Гражданская война

Белые идут
в наступление | 24

~ Проблемы истории

Так почему же красные
победили? | 26

~ Личные архивы

Доктор филологии,
в монашестве
Игнатия | 28

~ Церковь и культура

«Но Христос предается
сегодня» | 31

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября
2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6,
строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 27 марта 2019 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 6 апреля 2019 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим
Дементьев, Александр Копировский,
Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш,
Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский
фонд «Преображение».
Газета издаётся с октября 2002 г.
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в
настоящее время находится в
помещении СФИ –
ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске
«Предание»,
тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-
Press»: 11, Rue de la Montagne-
Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60
(Анна Гринман),
+7-903-100-93-73
(Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81
(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76
(Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37
(София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35
(Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91
(Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71
(Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11
(Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83,
+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73
(Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05
(Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22,
oleg@voskres.net
(Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: И.К. Айвазовский. Радуга. 1873 г.
На четвёртой странице обложки: Фрагмент иконы «Явление ангела жёнам-
мироносицам». Иконостас Кирилло-Белозерского монастыря, XV в.

Образ этого номера, посвящённого теме миротворчества, – радуга, изначальное знамение

мира между Богом и сотворённым Им миром. Ведь именно к Тому, Кто благословляет усилия миротворцев и называет их Своими сыновьями, восходит возможность людей договариваться, прощать и идти друг другу навстречу. **КФ**

Александра Колымагина

Н О В О С Т Ь   Н О М Е Р А

Архиерейская литургия на русском языке

Митрополит Тверской и Кашинский Савва и сослужащие священники использовали перевод священника Георгия Кочеткова

Обзор откликов в социальных сетях подготовила Александра Колымагина

Беседа с тверскими братчиками после литургии

В богослужении, прошедшем 23 марта в церкви в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», участвовало около 200 прихожан храма, членов тверских малых православных братств. Именно по их просьбе настоятель храма, прот. Вячеслав Баскаков, написал архиерею ходатайство о совершении литургии на родном языке. Перед ектеньёй об оглашаемых митрополит (в соответствии с древней традицией, по которой это действие обычно совершал именно глава епархии) прочитал молитву над теми, кто стал после этого оглашаемыми. Несколько днями раньше, 20 марта, в Твери прошёл семинар «Церков-

ный язык богослужения», где взвешенно и неоднозначно обсуждалась тема богослужебных переводов. Однако после произошедшего события обсуждение и самого богослужения, и проблемы переводов выплеснулось в сеть, где кроме благодарных откликов («Вчерашняя Божественная литургия была очень радостной и важной для всех нас. После службы было совместное чаепитие прихожан с митрополитом Саввой и оно было не менее радостным, искренним и душевным!» (Карина Конюхова, главврач Аваевской больницы, один из инициаторов возрождения домового больничного храма) и заинтересованных вопросов («а в Москве такие молитвы где происходят? Спасибо») в ветке обсуждения появились принципиальные враги какого бы то ни было использования перевода богослужения даже в одном отдельно взятом храме. «В русском языке нет даже намёка на вечность. Русский язык самый убогий на земле в этом смысле» (Игорь Иванов, Нижний Новгород); «советская, т. е. антирусская культура тоже имеет право на существование, и нельзя мешать ей пробиваться. Другое дело, что переводом богослужения она ограничиться не сможет» (Вадим Лурье («епископ Григорий Лурье» из «Российской православной автономной церкви»))...

Проповедь после чтения Евангелия произнёс с амвона председатель Боголюбского братства Андрей Васенёв

Точку в обсуждении поставил убедительный и мирный пост самого митрополита: «Давайте, братья и сёстры, закончим дискуссию в мире и согласии. Никто никого принуждать к обязательному служению на том или ином языке не будет. Я люблю церковнославянский язык. Всё детство и юность слушал его, читал на нём, а потом служил на нём. Русский язык богослужения тоже имеет в моём сердце добрый отклик. Пусть каждая община выбирает то, что ближе их сердцу. Самое главное для меня – это единство моей паствы вокруг Христа, Который есть Любовь. Посещение мной общины этого замечательного храма было открытием, я чувствовал христианскую любовь и доброе отношение друг к другу, единение, горящие жизнью глаза... Желаю всем мира! Всех люблю и молюсь за вас».

Время мира

Беседовала Анастасия Наконечная. Фото: Евгений Гурко

...Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся (Быт 8:22)

В этом году Преображенское братство планирует обсуждать на ежегодном фестивале «Преображенские встречи» тему «Время мира». Слово «мир» очень многозначно. Сразу вспоминаются цитаты: «Иди в мир, там мира нет»; «Когда будут говорить мир и безопасность, тогда постигнет их пагуба»; «Не мир принёс Я, но меч»; «Имейте мир между собою», не говоря уж про «миру – мир» – советский лозунг, являющийся скрытой цитатой из литургии. Какое значение этого слова Вы считаете наиболее актуальным сегодня, а какие коннотации для вас связаны с симулякрами?¹

Говорить о мире вообще непросто. Во-первых, потому, что всё, связанное с этой темой, было в советские времена идеологически очень вывернуто наизнанку и просто стёрто в своём реальном

смысле и значении. Во-вторых, потому, что мир – это довольно глубокое качество, не всем одинаково понятное: говорить о мире – это почти то же самое, что говорить о любви или о свободе. С одной стороны, все знают эти слова и произносят их с достаточным почтением, а с другой стороны, часто не очень хорошо понимают многозначность этих слов.

Действительно, есть ситуации, когда о мире говорят всуе, когда это слово используется как симулякр. А есть и другие случаи. Всё, что мы находим в Священном Писании, в церковной практике, вообще в духовной жизни всякого человека, бывает очень важным, бывает часто связано с самыми глубокими пластами человеческой жизни – конечно, если оно связано с вещами подлинно экзистенциальными, подлинно человеческими и даже богочеловеческими, а не используется лишь поверхностно или для красного словца.

¹ Симулякр (от лат. *simulatio*, «делать вид, притворяться») – «копия», не имеющая оригинала в реальности, знак, не

имеющий в реальности означаемого объекта, слово, не несущее значения.

Священник Георгий Кочетков

Мира не может быть там, где есть массовое сознание, массовая культура, массовое производство, массовые действия.

В Новом завете благодать и мир очень связаны друг с другом, и это важно помнить. Христианское понимание мира неотделимо от представления о даре Божьем. Ведь мир и любовь – это действительно признаки Божьего присутствия или богочеловеческого действия. Неслучайно люди боятся потерять мир и в то же время очень часто его именно теряют. Они призывают друг друга к миру и в то же время иногда думают, что при этом надо готовиться к войне. Существует даже поговорка: хочешь мира – готовься к войне². Это, конечно, не христианский контекст.

Опыт христианской жизни говорит о том, что мир как великое благо может быть достигаем на разных уровнях человеческого существования, как личного, так и межличного – в обществе, в народе, в государстве, в семье, в каждом человеке. Человек хочет, чтобы на нём почивал дух мира. Но часто не знает, что для этого ему надо верить в Бога и Человека, ведь это действительно дар Божий через Человека. И ещё человек иногда не понимает, что надо сделать, чтобы не потерять этот дух. Он воспринимает мир как душевное, а не духовное качество. А это уже некоторое снижение.

Интересно, что в обществе, в народе мир высоко ценится, но творить мир, быть миротворцем не многие решаются. Многие люди считают, что от них ничего не зависит, что вопрос мира в жизни, в обществе, в народе – это вообще дело только руководителей, политиков или старших, тех, от кого зависят судьбы других людей. Но ведь быть миротворцами Иисус Христос призывает всех людей: «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими». И конечно, этого не стоит забывать.

² Si vis pacem, para bellum («Хочешь мира – готовься к войне») – крылатое латинское выражение, авторство которого

Быть миротворцем не значит терять сопротивляемость против зла и греха этого мира. Это означает быть готовым всегда чем-то своим пожертвовать, сделать какой-то шаг доброй воли, шаг навстречу другому, чтобы избежать конфликта или преодолеть уже родившееся отчуждение и озлобление, ведущее к войне.

В каком-то смысле борьба за мир тоже как война, только духовная: это духовная брань. Человек обретает мир тогда, когда преодолеваются преграды, средостения между ним и Богом, между ним и другими людьми. Доброта и красота действуют умиротворяюще; а уж тем более любовь и подлинная свобода. Познание истины здесь тоже имеет значение. Это вещи, которые предельно важны для человека, для качества его жизни. И человек всегда должен стремиться их обрести.

100 лет назад закончилась Первая мировая война, которая многими воспринималась в том числе как нравственная катастрофа, потому христианские народы впервые в таком масштабе и так жестоко воевали друг с другом. Казалось бы, реакция должна была быть – «Никогда больше!». Но даже в течение жизни поколения, пережившего Первую мировую, разразилась Вторая мировая. Почему периодически в мире возникают кризисы, чреватые такими масштабными войнами? И можно ли как-то «разворачивать» такие ситуации?

Первая и Вторая мировые войны – это два акта одной трагедии. Если бы люди не отходили от Бога и не заражались бы стяжательством, гордыней, превозношением над другими, желанием

приписывается римскому историку Корнелию Непоту.

Ной, выпускающий голубя. Мозаика собора Св. Марка. Венеция. XIII в.

счастья лишь чувственного и земного, то они не позволили бы никаким силам, откуда бы те ни приходили, нарушать мир и покой своей жизни. Именно нетрезвенные, а иногда и откровенно недобрые верования в прогресс, в науку, в силу внешнего разума, в свои ощущения привели к тому, что человечество впало в самый страшный в своей истории период войн и массового уничтожения людей. Мира не может быть там, где есть массовое сознание, массовая культура, массовое производство, массовые действия. Ничто не должно превращаться в массу: ни народ и нация, ни общество, ни тем более церковь. Даже экономика и производство не должны быть массовыми. Стремление к уравниловке и к массовости является признаком тяжёлой внутренней болезни человечества, ему нужно всячески противостоять. К сожалению, мы часто сами заражаемся массовым сознанием, какими-то призывами к массам или вкусам масс. Теряем чувство меры во всём и боимся, что высшие качества жизни будут выделяться над средним уровнем – уровнем массы...

Именно поэтому сегодня во всём мире пропадает хорошо памятное ещё нашему поколению ощущение – «только бы не было войны»? Или есть ещё какие-то причины, по которым так легко растёт увлечение милитаристскими тенденциями?

Ну, во-первых, сами наши ощущения, взятые из прошлого, часто идеологизированы и малореальны. А во-вторых, сейчас многие уже привыкли жить, с одной стороны, под страхом, с другой стороны – как бы не заботясь ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем, привыкли жить только одним днём, безответственно. Поэтому люди

(особенно если они отрываются от Бога и от духовной традиции своего народа) не становятся миротворцами. Они не становятся людьми, желающими мира, им непонятны слова Христа о мире, им непонятно, что мир есть воля Божья. Они этого просто не понимают, а значит, ничего и не делают. И даже не очень-то думают о том, что же будет, если потерять то небольшое, что мы ещё сохраняем.

Культура снижается. Она действительно становится массовой. Духовная планка у людей понижается. И это, конечно, очень тревожно, это трагедия. Каждому человеку нужно много, много потрудиться, чтобы превозмочь эти тенденции, преодолеть их.

Самое главное – для этого надо поставить задачу духовного просвещения и укрепления доверия людей друг к другу. Важно, чтобы мы преодолели страхи и следовали голосу Божьему внутри себя, голосу совести и слову Христову.

Что бы Вы сами ожидали от обсуждения этой темы в братстве, в церкви, в обществе?

Я думаю, что эта тема может быть довольно горячей именно потому, что она многими не воспринимается как таковая; люди не чувствуют всех её «подводных камней». Но ведь ни одна заповедь Христова не является простой, лёгкой. В том числе призыв «блаженны миротворцы».

Я ожидаю обострения чувств каждого человека, более глубокого понимания того, что значит благодать и мир от Бога, ответственного осознания того, что творить мир – это наше призвание и что относится оно ко всем. И если удастся добиться горячего желания людей не терять благодать и мир в своём сердце, в своей жизни, в своих словах и делах, это будет лучшим итогом. **КС**

Комитет церковных дел

Интервью со священником Николае Мошойу (Сибиу)

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Отец Николае Мошойу на конференции «Современная православная экклезиология. Природа Церкви и её границы»

Мы хорошо знаем «Воинство Господне». А есть ли ещё в Румынии братства, братские движения?

У меня на приходе есть ассоциация, которая помогает в христианском воспитании детей. Есть волонтеры. И чаще всего они помогают в практических делах: в благоустройстве храма, приготовлении трапезы, когда у нас престольный праздник.

И при каждом приходе часто есть некоторое ядро, некоторая группа вокруг священника. Это в порядке вещей, чтобы было так.

По уставу Румынской церкви, который был утверждён Синодом в 2008 году, каждый приход имеет консилиум (совет) и приходской комитет.

В консилиуме обсуждаются больше административные дела, т. е. благоустройство, стройки и т. д. А в комитете есть больше

направлений для действия: миссионерские, социальные, культурные, связанные с молодёжью, административные.

И в каждом приходе есть такой комитет, который занимается церковными делами. Раньше комитет занимался больше административными делами: как содержать в чистоте храм. А сейчас он занимается больше социальными вещами, у него больше направлений для служения. По-

В консилиуме обсуждаются больше административные дела, т. е. благоустройство, стройки и т. д. А в комитете есть больше направлений для действия: миссионерские, социальные, культурные, связанные с молодёжью, административные.

сле 1990-х годов делается акцент на том, чтобы миряне больше участвовали в жизни церкви. Но в рамках прихода, не отдельно.

Бывает ли у вас совместная трапеза после литургии?

Не всегда. Часто такие трапезы и общение происходят, когда у кого-то именины, празднуют день своего святого. И за столом происходит более тесное общение.

Еще у нас есть совместные паломничества. Нашим прихожанам очень понравилось то, что я рассказал им о России, и мы хотим приехать в паломничество к вам, чтобы увидеть пример высокой духовной жизни. Потому что важно приобщиться к духовному опыту не через книги, а через непосредственное общение. Через встречу. Потому что о России мы многого не знаем. Мои слушатели удивлялись, как получилось, что в Москве было разрушено столько храмов. И не только в Москве, но и по всей территории России.

Мне кажется, здесь важно понимать, что это процесс, который происходил в течение многих десятилетий. Сначала были очень многолюдные крестные ходы в защиту храмов. Было решено набатным звоном собирать людей для их защиты.

Но руководителей, организаторов очень быстро начали убивать и сажать в лагеря. Было несколько больших волн таких гонений, и к концу 1930-х годов большинство епископов и сотни тысяч священников и активных мирян сидели в лагерях или были убиты.

И к следующему гонению, хрущёвскому, людей, которые могли бы защитить церковь, почти не осталось.

В Бухаресте было разрушено около 30 храмов. После 1977 года, когда было землетрясение и Чаушеску захотел переустроить весь город, тоже шла речь о том, чтобы какие-то храмы снести. Но тогда примерно 15 храмов были не разрушены, а перенесены. Румынские инженеры сделали рас-

чёты, была создана специальная техника для того, чтобы передвинуть эти храмы. Это были очень старые храмы.

А у нас государство в 1930-е годы ставило задачу полностью уничтожить церковь, и в какой-то момент в 1939 году из почти сотни тысяч действующих храмов открытыми оставались около 200 и были закрыты все до единого монастыри.

Потом, когда к Советскому Союзу присоединили Прибалтику, Западную Украину и Западную Белоруссию, Молдавию, храмов стало несколько тысяч, ведь на этих территориях ещё были неразрушенные храмы. В годы войны какие-то храмы открылись, но немногие. И только после падения советской власти в 1990-е многие храмы вернули церкви. Но многие разрушены до сих пор; не хватает сил и средств их восстановить.

Нам повезло, что у нас столько многое сохранилось. **КФ**

Проблема границ задаёт для Церкви вектор обращённости к миру

Интервью с А.П. Козыревым, кандидатом философских наук,
заместителем декана философского факультета МГУ по научной работе

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина. Фото: Александр Волков

А.П. Козырев на конференции
«Современная православная экклезиология. Природа Церкви и её границы»

Алексей Павлович, на прошлогодней конференции СФИ много говорилось о границах церкви. А что Вы как участник конференции можете сказать об этой проблеме?

Конечно, богословски и экклезиологически эти границы должны быть чётко установлены. Но для нас, верующих, отсюда не следует, что мы должны мыслить себя находящимися в осаждённом бастионе и не общающимися с внешним миром, при том что границы этого бастиона всё время сужаются и мы находимся во всё более и более тесной крепости.

Миссия Церкви в том, чтобы выходить в мир и общаться с миром, с теми, кто не входит в границы видимой церкви. Мне кажется, избирательный, немножко гностический докетизм, когда есть только мы, верные, а всё остальное погребло, – это не установка для сегодняшнего поведения православного человека...

Границы церкви означают, что есть и то, что находится за этими границами. И мы должны понимать свою миссию относительно этого «заграничия» как миссию просветителя, активного человека, несущего образ Церкви в мир. Ведь если нам никто больше не будет

нужен, наверное, церковь скоро скукожится и сожмётся до некой секты.

Церковь – это окружность, это круг. Есть пространство, которое внутри этой окружности, но есть и то, что вне её. Между этими двумя пространствами должна быть какая-то связь. Я не знаю, что нас ожидает в будущем. Может быть, нас ожидает какой-то невероятный расцвет христианства. А может быть, ещё больший расцвет, связанный с эпохой гонений. Наверное, расцветом христианства в России были 1920-е – 1930-е годы. Большого расцвета христианства Россия просто не знала. Потому

что семя Церкви было посеяно кровью новомучеников.

Такие периоды и выявляют границы Церкви, ставят перед человеком тот вопрос, который каждый должен обратить к себе: «Я в Церкви или нет?» Не в том смысле, чтобы отгородиться. Многие новомученики и исповедники, особенно те, кто объединялся в братства, занимались активной деятельностью в миру. Они совсем не были закрыты только на себя. Их принадлежность Церкви определялась не отчуждённостью от «внешних», а тем, что они готовы были взять на себя ответственность за жизнь Церкви и пострадать за неё до смерти. Но очень многие люди, которые формально считались членами Церкви, и не только сдавали до революции предмет «Закон Божий», но и учились в семинариях, в те же самые времена гонений оказывались среди отступников и даже гонителей. По горькому замечанию о. Георгия Митрофанова, таких людей оказалось гораздо больше, чем исповедников.

Это правда. Порой даже те, кто был до революции основателями религиозных движений, такие люди, как Иона Брихничёв¹, становились пропагандистами-атеистами. Сколько таких примеров...

Но сколько и обратных примеров, когда члены интеллигентских «междусобойчиков» становились не просто верующими людьми,

но крепкими пастырями, которые многих привели в Церковь, ко Христу. Таким стал о. Валентин Свенцицкий. Вспомните и учёно-го-философа о. Сергия Булгакова, бывшего марксиста. Многие люди, которых он окормлял в эмиграции, знать не знали, чем трансцендентное отличается от имманентного. Но в то же время он для них был бесконечно ценен и дорог как духовный наставник. Может быть, его богословие было для них с трудом открываемой, непостижимой величиной. Но он как личность, как человек стал для них настоящим духовным отцом.

В своём докладе на конференции СФИ Вы упоминали о том, как Владимир Соловьёв, всё более явно возвращавшийся в православную церковь после юношеского бунта, в труде «Духовные основы жизни» говорил, что явными органами мистической связи и духовного нравственного общения всех частей и членов Церкви между собою и с общим Божественным Главою «в видимой Церкви в каждом моменте её существования могут являться единичные лица или собрания немногих лиц». Как Вам кажется, ассоциировалось ли у него отношения в его личном узком круге единомышленников хоть немного с историческими примерами братств? Ведь во второй половине XIX века это слово было уже на слуху?

В контексте соловьёвской эпохи

тема братства и «не-братства» – это, конечно, тема Николая Фёдорова, который свою записку так и назвал – «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства». И для Соловьёва как для человека, знавшего фёдоровские идеи, тема братства (как надлежащего состояния мира) и не-братства как актуального состояния мира, безусловно, звучала.

Но мне кажется, более значимой для него была тема дружеского круга, который имел не столько православные, сколько интеллектуальные и профессиональные ориентиры. Лично для него это было скорее не религиозное общество, а круг друзей, которые собирались за бутылкой вина или шампанского в спорах во время ночных посиделок. Не случайно он и умирать-то приехал к другу своему. Когда он почувствовал себя плохо в Москве, первое, что он сделал, – попросил, чтобы его отвезли к Сергею Трубецкому. Не к врачу, не в больницу, а к другу. Он пролежал там три недели; Трубецкой вызвал его мать, его сестру, его родственников и священника: исповедовал и причастил его батюшка, который служил в соседнем храме, в Узком. Дружья ведь познаются в беде, в каких-то экстремальных ситуациях. И оказалось, что у Соловьёва были друзья в самом высоком, самом подлинном смысле этого слова. **КФ**

¹ Иона Пантелеймонович Брихничёв (1879, Тифлис – 1968, Москва) – лидер движения «голгофских христиан». В 1893 г. поступил в Тифлисскую духовную семинарию, учился в одном классе с И.В. Джугашвили (Сталиным). После окончания семинарии был рукоположен во священника. В 1906 г. активно включился в политическую жизнь, стал членом «Христианского братства борьбы», возглавляемого В.Ф. Эрном и В.П. Свенцицким. В 1906 г. за публицистическую и издательскую деятельность арестован, приговорён к году тюремного заключения, решением Святейшего Синода лишён священнического сана. В 1909 г. переехал в Москву, где вместе с С.И. Гусевым-Оренбургским и В.П. Свенцицким создал

религиозно-политическое движение «голгофских христиан», провозгласившее самопожертвование (Голгофу) единственным путём к спасению и призывавшее к радикальной реформе церкви и разрушению существующего государственного строя. Октябрьский переворот 1917 г. встретил восторженно, вступил в РКП(б), воспел в стихах В.И. Ленина. Работал в Наркомпросе, Всероссийском комитете по ликвидации неграмотности; оправдывал кампанию по изъятию церковных ценностей и вызванные ею судебные процессы. В 1924–1925 гг. был секретарём Центрального совета Союза воинствующих безбожников. Делегат VII и VIII съездов Советов РСФСР. Умер в доме для престарелых.

«Холодно, сиротливо, уныло в наших храмах»

Исполнилось 120 лет со дня рождения исповедника веры архимандрита Сергия (Савельева), который все свои последние годы скорбел о совершающемся разорении церкви

Из бакалаврской работы Ольги Тушиной. Фото из архива архим. Сергия (Савельева)

В 1925 году студент, слушатель закрытого семинара по изучению русской культуры Василий Савельев сделал решающий шаг в своей жизни: «он – с гонимыми за Христа и Святую Церковь, против всемогущих гонителей, лжецов и фарисеев». Вместе со своими близкими он начал посещать храм Св. Троицы в Никитниках. Постепенно из группы молодых людей образовалась православная община, получившая благословение у исповедника веры архиепископа Филиппа (Гумилевского).

Большинство членов общины Василия Савельева 29 октября 1929 г. были арестованы и сосланы в Северный край. Архимандрит Сергий позже назвал этот день самым дорогим в жизни – днём рождения общины. «Открылась новая страница нашей жизни, и эта жизнь сама нашла для себя имя – “родная”. Она объединила людей, родственными узами не связанных... Объединила так крепко, как не объединяют самые близкие родственные узы»¹.

***

Через много лет, в 1947 году, о. Сергия определили на служение в патриарший Богоявленский собор, признав тайное рукоположение, данное ему уже давно расстрелянным к тому времени епископом Леонидом (Антощенко).

Отец Сергий хотел иметь маленький храм, маленький приход, чтобы созидать там христианскую общину, но вместо этого оказался в главном храме Москвы. То, с чем ему пришлось здесь столкнуться в те годы, впоследствии он назвал «елуховщиной»

¹ Отошла ко Господу Катя Савельева // Православная община. М. 1998. № 48. С. 124.

² Эту рукопись читал митр. Питирим (Нечаев), который рассказал об этом в своей книге «Русь уходящая» (СПб., 2007. С. 167).

³ Первоначально о. Сергий назвал книгу «Разорение». До настоящего времени книга находится в рукописном варианте, пока не издана.

⁴ Сергий (Савельев), архим. Разорение. Рукопись // Архив

и описал в книге «Разорение»²: «пастырства нет, духовничества нет, дух соборности убит»³. Верующие люди часто отворачивались от священников. «Между духовенством и верующими людьми укоренился глубокий разрыв, и нормальное течение церковной жизни стало невозможным»⁴.

Настоятель собора протопр. Николай Колчицкий⁵ не мог долго терпеть «церковного Пугачёва»⁶, как называл архимандрита Сергия патриарх Алексий I. Отца Сергия начали переводить из храма в храм: Покрова Божией Матери в Лыщиковом переулке, Преображения Господня в Богородском, где он продолжал труды по возрождению церковной жизни на приходе.

***

В подклетском приделе иконы Грузинской Божией Матери храма Св. Троицы в Никитниках, который Василий Савельев с группой своих друзей стали посещать в 1925 году, совершались богослужения по монастырскому уставу. Прихожане всё делали сами: пели, прислуживали в алтаре, читали за богослужением, регентовали. Братская трапеза после ночной службы «была отзвуком “вечери любви” первых христиан... Самое дорогое для нас было то, что мы вошли в строй уставной церковной службы с её божественно-мудрой красотой... Теплота соборной молитвы всё преображала»⁷.

Для настоятеля храма прот. Сергия Голощапова восстановление церковного устава было самоцелью. Единственными помощниками настоятеля в совершении уставных служб и в заботах о храме были

архим. Сергия (Савельева). Глава 11.

⁵ Протопр. Николай Колчицкий (1892–1961) – с 1943 по 1961 г. настоятель патриаршего Богоявленского собора в Елохове, с 1943 по 1960 г. управляющий делами Московской Патриархии.

⁶ Сергий (Савельев), архим. Разорение. Глава 15.

⁷ Сергий (Савельев), архим. Далёкий путь. М.: Христианское издательство, 1995. С. 36.

Лидия Савельева

Василий Савельев

Василий Савельев и его друзья, для которых целью была только жизнь во Христе⁸. Вскоре они поняли, что возродить живую жизнь в церкви только лишь на основе уставного богослужения невозможно. Разномыслие в этом вопросе стало причиной разрыва с настоятелем Троицкого храма (поводом стало неприятие им декларации митр. Сергея 1927 г.) и перехода общины Василия Савельева в другой храм.

В это же время был и другой опыт возрождения уставного богослужения – в «маросейской» общине св. прав. Алексея Мечева. И, несмотря на то, что изучению церковного Устава здесь уделялось много времени, для о. Алексея это было только средством для достижения цели христианской жизни – полного единения со Христом и с теми, кто живёт в Нём⁹. Этому способствовало и частое причащение, к которому о. Алексей, как и многие святые предреволюционного времени (свт. Феофан Затворник, св. прав. Иоанн Кронштадтский), призывал своих духовных чад.

Ситуация гонений выявила самые главные, необходимые моменты, которые и определяют возможность совершения богослужения. Чин богослужения в лагерях определялся тем, что все богослужебные молитвы участники служб могли спеть наизусть, а

специальные одежды и сосуды для богослужения – тем, что можно было быстро изготовить своими руками. Отец Сергей вспоминал, как встречали Пасху в лагерном бараке, когда облачением служили фелонь из простыни и епитрахиль из полотенца. В опыте исповедников сочетались одновременно глубокая традиционность молитвы и свобода в воплощении устава в любых условиях. Архим. Таврион (Батозский) вспоминал: «Я горел желанием совершать ежедневно Божественную литургию. И там, в тюрьме я раскрыл для себя жажду и потребность людскую, как они жаждут наших молитв и жертвоприношений»¹⁰.

С самого начала своего служения в Богоявленском кафедральном соборе о. Сергей пытался изменить нецерковное отношение к богослужению. В книге «Разорение» он передавал обстановку в храмах того времени: «невнятное чтение молитв, немолитвенное и часто нецерковное, чуть ли не эстрадное пение, грубость служителей, грязные, мятые облачения, неблагоговейное, а часто даже кощунственное совершение богослужений и электрический свет, как будто нарочно бьющий в глаза молящихся... Холодно, сиротливо, уныло в наших храмах и печать обречённости лежит на их жизни»¹¹.

⁸ Сергей (Савельев), архим. Далёкий путь. М.: Школа акварели С. Андрияки, 2010. С. 54.

⁹ Иулиания (Соколова), мон. Жизнеописание Московского старца отца Алексея Мечева. М.: Русский хронограф, 1999. С. 138.

¹⁰ Бычков Сергей. Страдный путь архимандрита Тавриона // М, 2007. С. 49.

¹¹ Сергей (Савельев), архим. Разорение.

Я никогда не был таким родным, каким я сознаю себя теперь... Всё моё настоящее служение – не моё, а наше родное служение. Я не один, а вы все со мною предстоите у Престола Божия.

Монахиня Серафима
(в миру Лидия Николаевна Савельева).
1950-е годы

Отец Сергей считал, что богослужebная жизнь церкви «должна претерпеть глубочайшие изменения, которые бы устранили все искажения современного порядка совершения церковных служб»¹². «Это даст возможность ярче выявить те вдохновенные, божественные особенности уставного богослужения, которые так созвучны душе верующего человека»¹³. Постепенно отец Сергей начал вносить изменения, которые были возможны в той ситуации: пел вместе с народом, заменял в молитвах непонятные или поменявшие в языке своё значение слова («живот» – на «жизнь», «ездий» – на «носимый» и т. п.), служил с открытыми Царскими вратами, анафору читал вслух, хотя и негромко. Он избавился от свечного ящика и запретил хождение во время богослужения с тарелками для сбора пожертвований; вдоль стен были установлены столы, где все желающие могли самостоятельно брать свечи, просфоры и прочее, опуская в кружку посылную лепту. Это воспринималось московским духовенством как посягательство на вековые традиции и стало одним из поводов клеветнического письма, написанного небольшой группой прихожан в патриархию¹⁴. Но большинство паствы поддержало своего настоятеля.

В 1959 г. о. Сергей был отправлен за штат, а в 1961 г. возвращён к церковному служению и до своей кончины служил настоятелем храма Покрова Божией Матери в Медведково. Он произносил проповеди о возрождении церкви через возвращение к апостольским временам, через возрождение общины. Одна из главных тем его проповедей – о разорении церкви и необходимости её возрождения; об этом он начал говорить открыто после инфаркта, случившегося с ним в 1966 году. «Корень падения нравственного авторитета церкви лежит не вне

церкви, а внутри её. Историческая вина за это лежит, прежде всего, на нашей слепой, выродившейся церковной иерархии»¹⁵. Выход из этой ситуации отец Сергей видел в восстановлении евангельских основ личной жизни священнослужителей и мирян, в восстановлении евангельских норм в церковно-государственных отношениях.

В Медведковском храме о. Сергей много сил полагал для создания приходской общины, т. к. считал, что путь возрождения церкви лежит через возрождение общинной жизни¹⁶. Но несмотря на все попытки, он не смог создать на приходе такой общины, через которую увидел бы возрождение церкви. Знаменательно, что до тех пор, пока в проповедях он не выступал против государственной власти, в какой-то мере даже оправдывая её, и в то же время обличал власть церковную, – органы всё устраивало. Но как только отец Сергей стал говорить об общине, на него в 1975 году старостой храма, его духовной дочерью ещё с Богоявленского собора, после вызова её в органы был написан донос¹⁷. Это стало причиной больших переживаний о. Сергея и, в конце концов, привело к третьему, последнему инфаркту, после которого он прожил недолго.

Нужно сказать, что и сама по себе община на приходе – понятие противоречивое. На приходе может собраться группа людей, тесно связанных духовно, но они будут поставлены в очень ограниченные внешние условия. В годы гонений храм в любой момент мог быть закрыт, а священник арестован; но даже сегодня, в благополучные, свободные времена, пастыря, с которым у прихожан установились тесные духовные связи, епископ может в любое время перевести на другой приход или заставить изменить сложившийся чин богослужения.

¹² Сергей (Савельев), архим. Проповеди : [В 4 т.]. Том 1. М., 1998. С. 20.

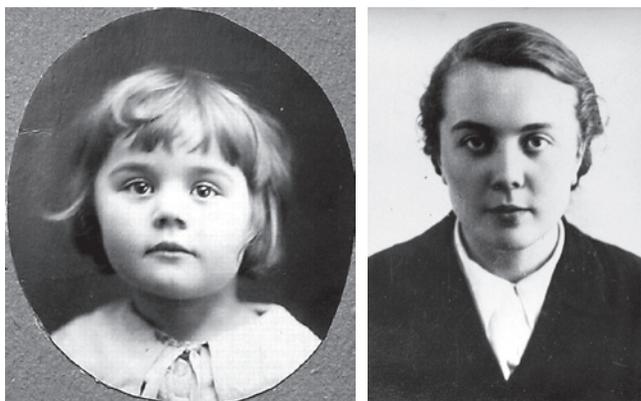
¹³ Сергей (Савельев), архим. Родной мой человек. Рукопись // Архив архим. Сергея (Савельева).

¹⁴ Сергей (Савельев), архим. Проповеди : [В 4 т.]. Том 3. М., 2002. С. 175.

¹⁵ Сергей (Савельев), архим. Проповеди : [В 4 т.]. Том 4. М., 2003. С. 23.

¹⁶ Сергей (Савельев), архим. Родной мой человек.

¹⁷ Воспоминания духовных детей архим. Сергея (Савельева). Аудио- и видеозаписи, 2000–2013 гг.

Катюня (дочь четы Савельевых)

Отец Сергий в Фирсановке

Известен опыт «мечёвских» общин, образованных в Никольском храме на Маросейке, которые после закрытия храма и ареста настоятеля продолжали собираться по домам и поддерживать связь с находящимся в ссылке духовником¹⁸. Такую семью-общину, которая должна жить свободно, ходить в храм, в приход, но нести ответственность за себя, в 1927 году и стал созидать Василий Савельев со своими близкими. Они называли её «родной семьей», а жизнь в общине стали называть «родной» – родной во Христе.

Община Василия Савельева собиралась в Москве в то же самое время, что и «мечёвская», недалеко от Маросейки – в храме свв. Космы и Дамиана в Старопанском переулке. Духовное родство этих общин не подлежит сомнению. Символично, что и арестованы они были в одну ночь – 29 октября 1929 года.

Письма Василия играли особую роль в духовной жизни членов общины – и тех, кто был в ссылке, и тех, кто остался в Москве. «Мы стремились выполнить каждое слово, воплотить в жизнь каждый его совет. Так было за все годы нашей разлуки», – писала его жена Лидия. Этому способствовало не только принятие его как старшего, но и наличие Христовой любви между ними, «которая безгранична»¹⁹.

***

После войны вся община собралась в подмосковном посёлке Фирсановка. «Мы жаждали окончатель-

ного созидания и укрепления жизни, которой мы служили уже двадцать лет и которую пронесли через все препятствия и трудности, через разлуку, расщепление в дальних сторонах, через войну, в которой Господь сохранил жизнь каждого из нас»,²⁰ – писала Лидия Николаевна в своих воспоминаниях.

Никто из соседей не догадывался, что в доме существует тайный малый монастырь – конспирация в то время была необходима. Однако нельзя сказать, что община была закрыта для внешних. «Свято любя друг друга, мы не замыкались в себе»²¹. В доме часто были гости, в основном прихожане Медведковского храма, духовные чада о. Сергия. Однако приехать сюда без благословения никто не мог.

Отец Сергий, который создал общину и был на протяжении полувека её главой и духовником, никогда не осознавал себя в центре «и всегда исповедовал, что община его воспитала, и в ней он черпал силы для своего церковного служения, в том числе приходского». Отец Сергий так говорит об этом: «Хотя я преисполнен заботами, которые как будто непосредственно нашей родной жизни не касаются, и все силы отдаю на служение, о котором вы мало что знаете, но всё это так кажется по внешности, а по существу я никогда не был таким родным, каким я сознаю себя теперь, и никогда не чтил так верность нашей святой, родной жизни во Христе, как чту теперь. Всё моё настоящее служение – не моё, а наше родное служение. Я не один, а вы все со мною предстоите у Престола Божия»²². **КФ**

¹⁸ Надежда : Душеполезное чтение. Выпуск 16. Базель ; М., 1993. С. 40.

¹⁹ Сергий (Савельев), архим. Далёкий путь. С. 114.

²⁰ Серафима, монахиня (Савельева Л.Н.). Воспоминания.

Архангельск: Правда Севера, 2010.

²¹ Отошла ко Господу Катя Савельева // Православная община. М. 1998. № 48. С. 126.

²² Сергий (Савельев), архим. Далёкий путь. С. 325.

Если христианство не становится полнотой жизни, то это всё-таки не христианство

Мы продолжаем публикацию бесед на просветительских открытых встречах:
вступительное слово на второй открытой встрече¹

Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства: Здравствуйте, дорогие друзья. Сначала я скажу небольшое вступительное слово; что-то сегодня добавят к нему и мои помощники.

В прошлый раз темой нашей встречи было «Как жить вместе с Богом и человеком в современном мире». Казалось бы, всё просто, а в то же время всё непонятно. И мы говорили о том, что здесь везде проблемы.

С Богом у людей часто есть сомнения. Постоянные сомнения. А есть ли Бог? А если есть, то какой Он? Я верю в того Бога или не в того? Он идеал? Идея? Живой Бог? А может быть, мстительный Бог? Слишком опасно к нему приближаться, а то... Знаете, какая в

советское время была шутка? У неверующей тетушки спрашивают: Кто такой Бог? А она очень разумно отвечает: Бог это природа, но может наказывать. (Смех.) Ну, нас с вами такой «советский» вариант ответа вряд ли устроит.

С человеком тоже постоянные проблемы. Сегодня люди вообще с трудом могут отличить человека от высокоорганизованного животного. Они порой даже и думают всерьёз, что человек это и есть высокоорганизованное животное. Я это слышал в жизни не однажды. Меня это всегда поражало. Это можно воспринимать как шутку, но оказывается, в наше время такие шутки на каждом шагу. И я думаю, что такой ответ нас тоже не устроит.

Напомню, что мы с вами попытались увидеть в прошлый раз и проблемы, связанные с тем, как жить вместе, и понять, что это такое в наше время. Двадцатый век, особенно в нашей стране (вследствие репрессий и многих других особенностей советского общества) привёл к тому, что люди индивидуализировались, закрылись и настолько не доверяют друг другу, что даже верующие люди иногда не доверяют никому. Я им в таком

случае честно говорю: «Значит, вы неверующие! Даже если вы ходите в храм и всю Библию наизусть знаете, но не имеете такого расположения к ближним, чтобы давать им какие-то авансы любви и доверия, то вы во всяком случае не христиане».

Человек не может жить без веры, без Бога, без человека, ближнего. Он не может быть в одиночестве. И если нет чего-то важного, на это место становятся какие-то подделки, суррогаты. Вместо веры – суеверие и т. д. Вот этого надо очень бояться, этого надо избегать.

Мы говорили о современном мире, и современный мир тоже оказался совсем не так прост, как хотелось бы, как нам часто это представляют: вот друзья, вот враги, вот такие, вот сякие... На мой взгляд, серьёзный внутренний императив, требование к самому себе – быть современными людьми, более того, быть немного впереди. Не нужно отрываться от жизни, улетать куда-то в поднебесье. Но немного впереди нужно быть. Мой опыт, уже пятидесятилетний (с тех пор, как я стал верующим), показывает, что у верующего человека есть на это силы. Не выдуман-

¹ Текст первой встречи из этого цикла был опубликован в № 1(246), 2(247).

Конечно, о христианстве можно говорить очень много. Можно просто сказать двумя словами: «Христианство – это жизнь в полноте Любви, божественной Любви!» И это будет правильно. Но достаточно ли этого?

ные, не внушённые самому себе, а реальные возможности. Надо быть современными людьми – но при этом уметь ценить свои корни, своё прошлое, потому что без этого настоящее становится поверхностным, фрагментарным, ущербным.

Я чувствую, что вы ждете от меня слова в связи с этими вопросами – слова от имени христиан. (Ещё раз напоминаю, что для нас сегодня будут тождественно употребляться слова «христианство» и «православие».) И я хотел бы сказать несколько слов о том, что такое христианство, потому что опыт жизни показывает, что современные люди это очень плохо знают. Вот я говорю: я христианин (священник – не священник, дело второе). Что вы обо мне подумали? Подскажите мне.

Так. Порядочный человек. Понятно. (Смех.) Это уже неплохо. А что ещё?

Голос из зала: Верующий во Христа. Всё остальное уже вариативно.

Священник Георгий Кочетков: Да, это так. Но в живой реальной практике люди часто думают немного более просто. Им кажется, что быть христианином – это значит ходить в храм, как-то поститься (лучше или хуже), в лучшем случае ещё

читать Священное Писание, его как-то воспринимать всерьёз и принимать всерьёз, молиться по какому-то распорядку, утром и вечером, до еды и после еды и так далее. Да, это вещи важные! Кто будет против? Но это то, что называется «религиозной жизнью». А христианство не может быть названо *только* религией. Это принципиально важно. Если мы сведём христианство к религии, это будет очень существенным умалением, ущемлением христианской традиции и христианского потенциала.

В христианстве есть религиозная часть, кто тут возразит! Христианину надо общаться с Богом и с людьми, это, собственно, и есть молитва. Конечно, ему надо немного укреплять себя духовно, для этого надо уметь от чего-то отказываться... Какие-то элементарные полезные вещи, такие как пост, дают человеку лёгкость и вдохновение, если не слишком «зацикливаться» на этом. И конечно, когда человек читает Священное Писание – это только плюс, если он правильно понимает его (ведь кто не знает, что есть люди, прекрасно ориентирующиеся в Писании, но живущие со всем не по-христиански, а иногда просто неверующие). Но этого всё-таки мало.

Ведь христианство действительно даёт ответы на все вопросы. И я не случайно перешёл от нашей прошлой темы к тому, что такое христианство. Как жить с Богом и с человеком вместе в современном мире – это основной вопрос для христианина. Потому что жить вместе – это значит проявлять друг к другу живое отношение. Можно это назвать любовью, можно – доверием, можно ещё как-то называть. Есть какие-то силы в человеке – иногда творчество, иногда какие-то особые дары, пророчество – не пророчество, но какое-то прозрение, особая интуиция... Это всё очень важно, и это никак не перенесёшь лишь в храм, никак не свяжешь с тем, ограничиваешь ли ты себя в питании.

Вот с этого мне хотелось бы начать. Потому что я уверен: здесь в зале есть и те, кто уже считает себя верующими христианами (может быть, разных конфессий, это сейчас для нас несущественно), есть сомневающиеся, а может быть, есть и неверующие люди. И я всем вам хотел сказать, что очень важно не идеологизировать свою духовную жизнь. К сожалению, она часто превращается в идеологию. Этого обязательно надо избегать, всегда и всем.

Что ещё можно сказать о христианстве? Одна женщина сейчас очень хорошо сказала, что должна быть вера во Христа. Действительно, на первом месте вера в Бога и в посланного им Иисуса Христа. И в дар Духа Святого: сила Духа должна быть в человеке – Духа Истины, Свободы и Любви. Это то, что мы и называем действием Духа Святого. Конечно, человек должен быть и добрым, и отзывчивым, как мы слышали сейчас в ваших ответах. Но если христианство не становится полнотой жизни, если оно не становится ведущей силой, без всякого раздвоения («шаг вперёд, два шага назад»), то это всё-таки не христианство.

Беда в том, что многие люди у нас в стране готовы связать себя с христианской традицией (таких до 80%), но как раз с такими вещами как вера во Христа, вера в Бога (так же как и очень строгое отношение к себе в разных характеристиках качества жизни) остаются проблемы. Огромные проблемы.

Не случайно социологи до сих пор спорят, сколько у нас в стране христиан. Например, православных. Одни социологи говорят: «Мы исследовали всю страну. 82% людей связывают себя с православием, со Христом, с христианством». Другие утверждают: «В нашей стране, мы провели, православных – 2%». Вот вам разрыв. От 2 до 82! Как вам это нравится, скажите? Не очень? Мне тоже это не очень нравится. А происходит это потому, что критерии оценки разные. Социолог выбирает какие-то признаки. По одним признакам выходит 82%, по другим 2%. Вот откуда все проблемы с пониманием того, что такое христианство. Я тоже думаю, что людей, живущих полнотой христианской жизни, не больше 2% в нашей стране.

Другое дело, что остальные 80% – это тоже не пустой звук. Даже если они считают себя неверующими. Да, и такой феномен есть; человек может сказать:

- Я православный!
- А ты в Бога веришь?
- А при чём здесь это?

Я встречался с такими случаями. Конечно, это скорее курьёз, но он живой, реальный. И всё-таки эти 80% действительно не пустой звук. Это люди, которые, может быть, желаемое выдают за действительное. Возможно, их вера очень частичная, фрагментарная. И я думаю, что наше собрание в этом смысле даёт особые возможности. Мы можем о таких вещах говорить. Мы можем их приложить к себе. А мы к кому относимся? К какой части? Мы сами. Какие у нас критерии внутреннего качества жизни? Жизни, достойной человека? Мы знаем это? Мы можем это объяснить людям, а иногда и самим себе, или нет?

Конечно, о христианстве можно говорить очень много. Можно просто сказать двумя словами: «Христианство – это жизнь в полноте Любви, божественной Любви!» И это будет правильно. Но достаточно ли этого? Нет, не достаточно. Потому что разные люди поймут это очень по-разному. А главное, не смогут воплотить в жизнь. Красивые слова ещё не есть реальность. Нам важно не красивые слова говорить, а думать о том, какова наша жизнь. Мы живем хорошо или плохо? Мы можем отвечать, и не только как все люди на земле – перед своей совестью, но ещё и пред другими людьми, пред Богом? Или мы не привыкли этого делать, не умеем или не хотим, поступаем чаще всего «как придётся»? При одних обстоятельствах так, при других наоборот, и хорошо?

Мне бы очень хотелось, что-

бы сегодня мы с вами немного подумали об этом. Чтобы мы могли послушать людей, которые расскажут, что для них христианство. Что для них значит быть реальным членом церкви – не только подчиняться внешним установлениям, но и иметь внутри себя то, что выше всех внешних установлений, как бы хороши они подчас ни были. Давайте постараемся быть открытыми: не фальшивить, не играть. Это не значит, что я всех приглашаю на исповедь. Просто давайте спрашивать и отвечать так, чтобы разговор получился, чтобы мы с вами не пожалели, что пришли сюда.

Вы сталкивались с проблемой, связанной с христианством, или никогда не сталкивались? Как вы себе отвечаете на вопрос, что такое христианство в целом и по отношению к вам лично? Пока вы думаете, как ответить на эти вопросы, я попрошу моих помощников что-то об этом сказать.

Светлана Яшина: К осознанной вере я пришла во взрослой жизни, хотя ещё маленькой моя бабушка иногда приводила меня в храм. И я с детства запомнила, что если ты хочешь войти в храм, у тебя обязательно должен быть платок и свечка. Свечку обязательно покупать сначала и, желательно, не одну. Ещё нужно обязательно написать записки. Но у меня всегда был вопрос: «А куда я эту свечку ставлю?», и периодически я терялась в храме. Однажды ко мне подошла женщина и сказала (видимо, я выглядела очень растерянной): «Тебе нужно идти вон

туда», – и махнула рукой. Туда так туда. Я подошла, поставила свечку и стала вспоминать имена моих живущих родных. А потом я узнала, что стояла не там, где надо, что это место, где, наоборот, вспоминают тех, кто уже почил. И уже выйдя из храма, я поняла, что ничего не знаю о том, что в нём есть. Путь в церковь начался для меня в 22 года вот с этого первого вопроса. Был и второй вопрос. Однажды утром я пришла в храм и вдруг увидела людей, которые дружно друг за другом куда-то шли и выходили оттуда очень счастливыми. Уже потом я узнала, что это причастие. И мне захотелось так же улыбаться. Почему-то это меня очень вдохновило. И вот с этими двумя вопросами я долгое время ходила в разные храмы и пыталась даже задавать их людям, которых там встречала. Люди реагировали по-разному. В одном храме меня вообще «попросили» выйти, т. к. я задаю много ненужных вопросов, ведь храм – это не справочная. И тогда у меня действительно возник вопрос: что же такое христианство? Ведь не может это быть просто храм, куда ты заходишь, или записки, которые ты пишешь, или свечи, которые ты ставишь... Но что это тогда? Но больше всего меня впечатляли люди: не сразу, но я поняла, что в христианстве человек точно не один. Через несколько лет я услышала фразу, которая это подтвердила: «Церковь – это преодоление одиночества». Но это было уже потом, в процессе некоторого вхождения в церковь, укрепления в вере, в познании того, что такое христианство, что такое жить с Богом и человеком.

И я очень благодарна за этот путь, и даже за то, что меня когда-то «попросили» из храма, и за то, что когда-то со свечкой направили не туда.

Михаил Бахадов: Я сейчас слушал Светлану и думал, что между нами есть одно отличие: когда мне было 11 лет, мои родители стали верующими православными христианами. Я помню, как это вошло в мою жизнь: храм, какие-то встречи, обсуждение Евангелия, воскресная школа, которую вела моя мама. Но я помню и то, что в какой-то момент, когда уже начинаешь взрослеть, лет в 17–18, встаёт вопрос: это действительно всерьёз и подлинно, в этом центр жизни – или для меня это традиция, то, что приняли мои родители, что важно для них, а я просто уважаю их выбор? Этот вопрос стоял для меня очень остро.

Я играл в музыкальной группе, мы выступали на довольно известных площадках, было ещё многое в жизни, и казалось, что церковь – это здорово, но сейчас есть что-то гораздо более интересное. Но оказалось, что всё остальное перестало проходить проверку временем.

Вопрос для меня оставался: действительно ли христианство и жизнь в церкви – это то, что даёт настоящий ответ. И со временем этот ответ был дан, хотя очень трудно сказать, в какой момент. Но это был момент, который действительно всё изменил. Я понял, что христианство – это когда Бог – Живой и Ему очень важно, что происходит с тобой, каким путём ты идёшь – вместе с Ним или сам по себе и чаще всего куда-то в пустоту. Мне было 19 лет. И христианство начало открываться, и постепенно находились многие ответы.

Например, на вопрос, как относиться к жизни. Можно искать и видеть везде хорошее, а плохое «задвигать» (казалось бы, довольно продуктивная позиция). А можно считать, что в мире всё плохо, всё тлен и просветов очень мало, а если и есть что-то ценное, то нет сил это обрести (мне такой подход из-за моего характера ближе). Жизнь в церкви научила меня, что ни позитивная, ни негативная, ни депрессивная установка не даёт ответа. Ответ даёт Писание, которое говорит, что свет во тьме светит и жизнь человека – это путь, который призван быть во свете в окружении многого, что пытается его от этого света оторвать. И человек может в этой жизни, которую Бог даёт, соучаствовать и что-то сам в неё вкладывать. Для меня было чрезвычайно важно это понять.

Ещё один вопрос касался отношения к другому человеку и отношения к себе. Я не однажды видел, как у человека, длительно живущего только своими силами ради других, в какой-то момент происходит то, что называется выгоранием. И именно в христианской традиции мне открылось, что человек сам себя не исключает из круга людей и не противопоставляет им. Если тебе сказано: «возлюби ближнего, как самого себя», то ты перестаёшь себя делить от ближних; ближние и ты – это единая жизнь.

Так я узнал, что и в этом, и во многом другом христианство помогает преодолевать те разрывы, которые есть в сознании. Обретать целостность. И пусть она обретается не сразу, не мгновенно, но это путь, который исцеляет – и это происходит со мной до сих пор. **КФ**

Братский помянник

6 апреля отошла ко Господу Елизавета Михайловна Шик (1926–2014).

Дочь священника Михаила Шика, принадлежавшего к мечёвскому кругу и расстрелянного в Бутове в 1937 году, по матери – из дворянского рода Шаховских, она до самых последних дней жизни участвовала в подготовке к изданию удивительного по своей силе свидетельства эпохи – двухтомника переписки своих родителей.

Елизавета Михайловна прожила очень долгую и трудную жизнь, сопротивляясь происходившему практически во всё время её жизни искажению человеческого образа и самих основ жизни в нашем народе, нашей стране.

На Благовещение 7 апреля отошёл ко Господу (возможно, был убит) святой патриарх Тихон (Беллавин) (1865–1925).

Вряд ли однокашники Василия Беллавина по духовной академии, прозвавшие его в шутку «патриархом», могли помыслить о его будущей канонизации. Он был обычным студентом, разве что отличался спокойным нравом и общительностью. Инспектором академии во время его учёбы был будущий епископ Таврический Михаил (Грибановский), соучениками – будущий священномученик Кирилл (Смирнов), будущие митрополит Антоний (Храповицкий) и митрополит Сергей (Страгородский).

Служение будущего патриарха подарило ему уникальный опыт, которого не имел, пожалуй, ни один другой иерарх Российской церкви. Из опыта служения в Северо-Американской епархии он хорошо знал, на что способны православные братства – открывать приходы, брать на себя ответственность и за духовное, и за материальное их существование.

В тяжёлые дни 1918 года патриарх Тихон призвал верующих Православной российской церкви ответить на преступные действия советской власти объединением в духовные союзы: «Пусть верные чада в союзе любви соединяются с архипастырями и пастырями своими и вкуче являют служение в духе и силе».

На Благовещение 7 апреля скончался исповедник веры архиеп. Ермоген (Голубев) (1896–1978).

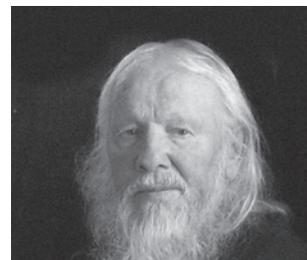
Сын профессора Киевской духовной академии, он принял монашеский постриг в

возрасте 25 лет в июне 1919 года, хорошо понимая печальные перспективы, ожидающие его на избранном поприще. Через 7 лет он уже возглавлял Киево-Печерскую лавру и был заместителем патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея (Страгородского). В 1931 году был арестован «за антисоветскую деятельность» и приговорён к 10 годам лагерей. В лагере у него началась тяжёлая болезнь лёгких, в связи с которой он был освобождён раньше срока, в 1939 году.

В Средней Азии он начал служить в 1942 году в Самарканде, где познакомился с «мечёвцами»: будущим архимандритом Борисом (Холчевым) и архимандритом Серафимом (Суторихиным). 1 марта 1953 года он был хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Отец Павел Адельгейм вспоминал об этом времени служения владыки: «Когда в храмах запрещался даже косметический ремонт, архиепископ Ермоген в 1958 году построил в Ташкенте великолепный кафедральный собор. Он распорядился приобрести причтовый дом для каждого храма епархии, так что каждый священник, приезжая на приход, получал благоустроенное

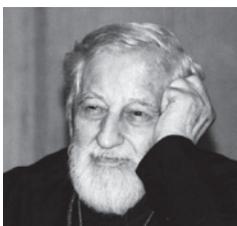
жильё. Своим указом запретил младшим клирикам делать подарки старшим по положению: только старшие могли одаривать младших. Такое положение делало невозможным симонию и коррупцию. В конце концов за свою твёрдость и верность архиерейскому долгу архиепископ Ермоген лишился кафедры. Скончался в Жировицком монастыре, куда был фактически сослан».

На Благовещение 7 апреля отошёл ко Господу протоиерей Павел Алексахин (1919–2008).

Отец Павел был духовным наставником и старцем движения беседников, истоки которого восходят к благословению преподобного Серафима Саровского. Его духовные советы бережно хранят как духовные чада, так и многочисленные паломники, приезжавшие в Самарскую область. Вот некоторые из них:

- Разбирайте себя: на чём грех родится и как его победить.
- Гордость – крайнее убожество души: находясь во тьме, человек думает, что он во свете.
- Отчаяние хуже гордости. Человек отвергает милосердие Божие и не надеется на него.
- Борьба с собой до последней минуты жизни; где борец, там и венец.

На Благовещение 7 апреля отошёл ко Господу протопресвитер Виталий Боровой (1916–2008).

Доктор богословия, историк церкви, дипломат, один из самых ярких деятелей Русской православной церкви во второй половине XX – начале XXI вв., он достойно представлял её на международных богословских конференциях и собеседованиях. До конца жизни он глубоко понимал и поддерживал Преображенское братство. Один из духовных учителей священника Георгия Кочеткова. С 1996 года и до своей кончины о. Виталий был членом Попечительского совета Свято-Филаретовского института и участником всех значительных событий в его жизни. Он много проповедовал в часовне СФИ, выступал там с лекциями, был научным руководителем студентов. Многим памятни не один раз повторявшиеся им слова о необходимости «продолжить дело всеобщей христианизации, начатое при князе Владимире».

9 апреля в немецком концлагере был повешен лютеранский пастор, богослов Дитрих Бонхёффер (1906–1945).

Один из основателей Испове-

дующей церкви, не подчинившейся нацистскому режиму и один из наиболее последовательных основателей и проповедников общинной жизни, он во всех своих произведениях боролся за её подлинность, за «общение с братом через Христа», за отрицание соблазна «дешёвой милости». В годы заключения был примером подлинного мужества для тех, кто оказывался рядом с ним. Незадолго до гибели в Тегельской тюрьме он писал: «Приди же, верховный праздник на пути к вечной свободе, смерть, разрушь тягостные цепи и стены нашего брэнного тела и нашей ослеплённой души, чтобы наконец мы увидели то, что здесь нам не дано было видеть. Свобода, тебя искали мы долго в дисциплине, в деле и в страдании. Умирая, познаём мы теперь в Божием лике тебя саму».

19 апреля отошёл ко Господу исповедник веры преподобный Севастиан Карагандинский (1884–1966).

Келейник двух оптинских старцев, при советской власти

он стал узником Карлага за отказ отречься от веры. На допросе он говорил следователю: «На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей». Монахи, помогавшие ему в тайных богослужениях до ареста, освободившись из лагеря раньше, стали приезжать к нему по воскресеньям в лагерь. Кроме продуктов и чистого белья они привозили Святые Дары, поручи, епитрахиль. Все вместе выходили в лесок, отец Севастиан причащался сам, исповедовал и причащал сестер. После выхода из лагеря он основал тайную православную общину под Карагандой, в которой в подростковом возрасте укреплялся в вере будущий священник Павел Адельгейм. Отец Севастиан утешал многих приезжавших к нему людей – ссыльных, измученных, нуждавшихся в духовном совете и поддержке. Добился возможности открыть на месте тайного церковного собрания храм, где служил настоятелем более 10 лет до самой кончины.

28 апреля отошёл ко Господу епископ Стефан (Никитин) (1895–1963).

Будущий епископ Стефан был духовным чадом о. Сергия Мечёва. В 1925–1930 гг. рабо-

тал врачом и одновременно являлся старостой мечёвского храма святителя Николая в Клённиках (на Маросейке). Тайно рукоположен в сан священника еп. Афанасием (Сахаровым). В 1931 году в составе группы маросейских прихожан из семнадцати человек был арестован по «делу о. Бориса Холчева».

Освободившись после трёх лет лагерей, по благословению вл. Афанасия превратил одну из комнат своей двухкомнатной квартиры в Струнино в храм. Тайно служил, исповедовал, причащал. На открытое служение вышел в 1950 году в Ташкентской епархии у митр. Гурия (Егорова). Служил в Курган-Тюбе, Самарканде, Ташкенте. По рекомендации вл. Ермогена (Голубева) в 1960 г. был хиротонисан во епископы. Уполномоченный по Калужской области в своем отчёте за 1962 год писал о нём: «Епископ Стефан пытается поддерживать приходящие в упадок общины, укрепить пошатнувшееся влияние Церкви. В первые же дни пребывания в Калуге он с помощью патриархии заполнил вакантные должности в трёх церквях, стремится подбирать “более достойные”, крепкие в вере кадры. Знакомых священников из других епархий: Минской, Среднеазиатской, где ранее он работал, приглашает на работу в Калужскую епархию. Епископ Стефан, врач по специальности, ревностный служитель Церкви, крайне религиозный. Этого же требует и от священников. А нерадивых, допускающих аморальные поступки, наказывает».

Два последних адреса в Туле

С историком Н.С. Соколовым беседовал Виктор Авилов. Фото: Андрей Тюрин

Многие видели на стенах домов небольшие, размером в ладонь таблички, а кто-то выступал заявителем для установления этих памятных знаков. С 2014 года, когда начал работать проект «Последний адрес», их установлено более 800. Они рассказывают о людях, которые жили в этом доме и не вернулись – были расстреляны или погибли в лагере. В последние два года две из них были установлены в Туле. Мы хотели бы поделиться с читателями фрагментами слова монахини Евфалии (в миру Нины Александровны Глаголевой) на открытии первой таблички «Последнего адреса» в Туле и интервью, которое на открытии второй таблички дал историк Н.П. Соколов.

Из слова монахини Евфалии (Нины Александровны Глаголевой)

Чудом сохранившийся уголок старой Тулы, где мы сейчас находимся, можно было бы назвать достопримечательностью нашего города. С конца XIX века по 20-е годы прошлого столетия этот скромного вида дом был одним из самых известных и посещаемых туляками. Здесь жил Ф.С. Архангельский, как практикующий врач пользовавшийся исключительной популярностью в Туле. Сын священника из уездного города Алексина, он приехал сюда юношей и поступил сначала в Духовную семинарию, чтобы идти по стопам отца и деда, поскольку он из рода потомственных церковнослужителей, но в конце концов избрал иное поприще служения страждущему человечеству. Отличавшийся редким бескорыстием и сострадательностью, Федор Сергеевич до конца своей жизни неутомимо и самоотверженно принимал здесь и успешно лечил своих бесчисленных пациентов.

Искусный врач, добрейший человек – милующее сердце, он пользовался признательностью и почтением горожан. «Умер Ф.С. Архангельский, – писали о нём в газетном некрологе, – таким же бедняком, каким вошёл в самостоятельную жизнь». Не стяжав

себе состояния, не имея собственной семьи, Фёдор Сергеевич обладал настоящим богатством великой жертвенной Любви к людям. «А кто имеет Любовь на земле, – по словам преподобного Силуана Афонского, – тот с нею переходит в вечную жизнь, в Царство Небесное».

После кончины Ф.С. Архангельского в 1928 г. здесь же, по этому адресу проживала его родная младшая сестра Софья Сергеевна, к тому времени вернувшаяся из Ярославля с мужем, священником Димитрием Глаголевым. 1 июля 1930 г., переступив порог этого дома, отправляясь на всенощное богослужение в свой храм, отец Димитрий Глаголев не подозревал, что с этого момента начинается последний отсчёт его земного времени, что сюда он не вернётся, но переступит вскоре порог вечности. В храме ему неожиданно вручили извещение о передаче церковного имущества административной комиссии, принесённое милиционером ещё в 11 часов дня. «Этим известием я был сильно поражён, оно застало меня врасплох», – признался позже отец Димитрий.

Впрочем, под угрозой закрытия храм был в течение нескольких месяцев, и отец настоятель пред-

Монахиня Евфалия (Глаголева)

Подготовка к установке таблички на доме о. Димитрия Глаголева

принимал отчаянные попытки его отстоять. Так вот, именно 1 июля, накануне ареста, он получил из Москвы такое обнадеживающее письмо о том, что сам председатель Моссовета и градоначальник столицы Пётр Гермогенович Смидович одобрил ходатайство туляков о сохранении Спасской церкви и что «возможен пересмотр дела...»

И вдруг батюшку поставили перед фактом сдачи собора. Далее события развивались подобно горной лавине... Величественный Спасо-Преображенский собор (второй кафедральный собор гор. Тулы), стоявший на месте нынешних фонтанов у здания областной администрации и вмещавший до 6 тысяч человек, был снесён после расстрела своего последнего настоятеля. Он разделил участь многих тысяч храмов и святых обителей, по всему лицу земли Русской расхищенных, поруганных, разрушенных... Для Русской Православной Церкви то было время «тернового венца» и крестного испытания. Вспомним евангельские слова Христа в Гефсиманском саду ко пришедшим с Иудой схватить Его: «...теперь ваше время и власть тьмы». Но там же Он сказал и Петру, когда апостолы попытались с оружием защитить своего учителя: «Вложи меч свой в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец»...

В своей последней проповеди в соборе перед самым арестом протоиерей Димитрий Глаголев совершенно категорично сказал прихожанам: «Потеря храма может быть рассматриваема как наказание верующих за грехи... Поэтому то, что мы должны лишиться храма, настоятельно призывает нас к самому полному чистосердечному рассмотре-

нию своей греховной жизни... Во всём мы должны усматривать действие мудрого Божественного Промысла».

За одно только двадцатое столетие наш народ пережил две революции, две мировые войны, братоубийственную войну гражданскую, всеобщую разруху, чудовищных масштабов голод и массовые репрессии, полное крушение государственных устоев: в начале века – монархии, в конце – социалистического строя. Всё рушилось, трещало по швам! Мало сказать, Россия была на краю пропасти, на грани гибели! Небесная ли это кара за всеобщее отступничество? Но это была, действительно, катастрофа! И ни один период русской истории не дал России столько святых, сколько трагически кровавый XX век! Святые новомученики и исповедники российские, земляки и сродницы наши, такие же, как мы, были со своими земными привязанностями, человеческими радостями и огорчениями, и немощами... и по этой земле так же ходили. Претерпев до конца, они держат Небо теперь над нами своими молитвами.

Что же мы? Чаше, к сожалению, суетливо смотрим себе под ноги, забывая о небесном. О вечном. О главном. Особенно тревожно за нашу молодёжь, в большинстве своём совершенно равнодушную, безразличную ко всему этому. Поменялись интересы; юные умы блуждают в виртуальном пространстве, не задумываясь, даже не ведая об ответственности человеческих поступков перед лицом Неба. У нового поколения – новый менталитет. Но есть вещи, о которых нельзя забывать. Без прошлого ведь не бывает и будущего.

Разговор с историком Н.С. Соколовым (на фото справа)

Если всё же находятся у нас молодые люди, которые объединяются в православные общины и братства – эти дружины духовные, как это прекрасно и похвально! Значит, есть ещё надежда на будущность. Как от одной свечи в храме зажигаются другие свечи и передаётся, продолжается горение молитвенное, так важна духовная преемственность поколений. Главное для народа – не терять свою духовную самодостаточность. В этом наша сила.

Уместно здесь вспомнить, что протоиерей Димитрий Глаголев возглавлял в своё время Тульское епархиальное Иоанно-Предтеченское братство. Святой пророк Иоанн Предтеча – проповедник покаяния и искреннего обращения людей к Богу. Здесь ещё и важна идея братства на основе православия, потому что именно православная вера стала для России тем корнем, из которого выросли духовная стойкость и единство русского народа. И вообще, надо признать, что только истинная живая вера даёт человеку опору, силы, смысл жизни и освящает все наши земные пути, а обществу даёт крепких, надёжных людей, которые только и могут быть названы положительными деятелями и со-зидателями в великой семье человечества.

Позвольте ещё в заключение сказать, что, может, и не случайно отец Димитрий Глаголев расстрелян в канун великого православного праздника 13 октября. Под Покров Царицы Небесной батюшка перешёл в вечность. На следующий день – 14 октября – Русская Православная Церковь празднует чудесное явление Богородицы во влахернской церкви древней столицы Византии. И Московской Императорской Духовной Академии храм, что в Троице-Сергиевой Лавре, где учился и молился юный Димитрий Глаголев, был также освящён в честь

Покрова Богоматери. Первая церковь, в которой Димитрий Сергеевич начинал своё служение Богу, приняв сан священства, тоже была Богородичной – Свято-Введенская при Тульском епархиальном женском училище.

Наконец, последнее место его службы, где о. Димитрий был настоятелем, Спасо-Преображенский кафедральный собор, за который он душу свою положил, имел два придела в честь чудотворных икон Богородицы: «Одигитрии» Путеводительницы и «Всех скорбящих радости». Знаете, есть такие удивительные стихи Александра Солодовникова, посвящённые этой иконе:

«Ты потому скорбящих Радость,
Что испытала свет скорбей.
Ты не отводишь чашу яда,
Но говоришь: «смелее пей».

Кладёшь ласкающую руку
На голову, Благая Мать,
И на врачующую муку
Идёшь и нас сопровождать».

Итак, в день Боголюбской иконы Пресвятой Богородицы 1 июня 1930 г. из этого дома ушёл священник о. Димитрий Глаголев, чтобы совершить свой последний скорбный путь – «Via Dolorosa». Так называется тесная улочка в старом Иерусалиме, по которой шёл на распятие наш Господь. Шёл Он, чтобы позорное орудие казни соделать знамением победы над смертью и адом. Непреложны слова Божественного Крестоносца: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною; ибо кто хочет душу (то есть жизнь) свою сберечь, тот потеряет её, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретёт её». Воистину, сохраняет душу свою для вечной Небесной радости.

Есть такая традиция – проводить, оплакать умершего. В XX веке в нашей стране миллионы людей ушли не оплаканными, нет даже могил. Стремясь помнить, мы оплакиваем этих людей, соединяя разорванные нити жизни народа. А что ещё, как Вам кажется, можно сделать, чтобы эти нити связать?

На мой взгляд, мало связать нити памяти. Надо в память об этих людях, которые совершенно безвинно были уничтожены, устроить такую систему, которая бы впредь исключала возможность подобного поворота событий. В России совершенно не произошло того, что в церковной среде называется покаянием: перемены образа мыслей. До сих пор наши сограждане уверены, что государство имеет право жертвовать своими людьми ради внешних целей, которые оно само себе назначает. Но у государства не может быть никаких целей, которые не совпадали бы с целью народа – граждан этой страны. Не может быть интересов, отдельных от интересов граждан. Однако эта идея не утвердилась в стране. Вокруг неё продолжается полемика. И я считаю, что мой долг перед памятью погибших – содействовать возникновению более гуманной общественной конструкции. Без неё просто оплакивание или панихиды будут не полны, на мой взгляд.

А в чём это могло бы воплотиться?

Я историк, и поэтому мне удобнее говорить о своей области. И я обязан сказать, что в школе у нас по-прежнему людоедские учебники истории, в которых главный субъект исторического процесса – это государство, а не человек. И в рамках этой конструкции всё время возникает идея, что государство может ставить собствен-

ные задачи и может помыкать людьми по своему произволу. В 1990-е годы от этого как-то начали отходить – появились учебники нового типа, где повествование о нашей истории выглядит иначе, человечнее. Увы, теперь всё опять вернулось «на круги своя».

Как до сих пор выглядит схематическая конструкция русской истории, каким образом она откладывается в голове человека, который не занимается историей специально? Была могучая древняя Киевская Русь. Там всем распоряжался князь. Потом князей стало много, они разнесли великую державу на удельные лоскутья, и русский народ захирел. И так ему стало худо, и так он ослабел, что пришли степняки и его завоевали, 200 лет им помыкали. Потом московские князья железной рукой в ежовой рукавице русский народ собрали под своей властью, и русский народ обязан терпеть, что бы эта власть ни вытворяла, потому что без этой жёсткой вертикали власти мы погибнем. Так она рассказывается, и это откладывается в головах: без жёсткой вертикали нам погибель. А всё не так. Историки давно знают, что Древняя Русь не монархическое государство. Князь там ничем единолично не управлял, там было много разных политических сил. Это была сложная политическая конструкция. И удельная Русь – это не период упадка, а период расцвета, цветения разнообразных школ права, художественных школ, разных политических режимов, когда на одном и том же этническом субстрате испробуются разные социальные механизмы. Это время великого творчества. А то, что не было одного номинального князя в Киеве – да шут с ним, кому это было интересно. В уделах же князья были в первую очередь военачальниками, и в древней

Руси их вольны были сменить. Вече собиралось и говорило: «А вот тебе, княже, путь чист!» Какой же он самодержец, если силы города были больше, чем княжеские?

Ничего этого в нашей школе нет. В ней продолжается тиражирование даже не советской, а карамзинской конструкции с некоторыми вариациями, совершенно монархической. В рамках этой «монархической» оптики восприятия истории естественно смотрится даже сталинское государство. Хотя в нашей истории – и древней, и средневековой – нет ничего такого, что давало бы повод для сталинского произвола. И прояснить эти вещи – это то, что нам, историкам, важно было бы сделать, чтобы изменить существенно климат в стране, отношение людей друг к другу и социуму. От нас зависит, не от князя.

Вы совершенно верно заметили, что не произошло покаяния как изменения образа мысли. Что можно сделать для этого на общественном уровне?

Так ведь эта борьба всё время идет, она же не затихла. С одной стороны, в городе Орле обсуждают, не поставить ли бюст Сталина (памятник Ивану Грозному уже поставили, несмотря на протесты общественности). Насчет бюста Сталина люди уже просто встали на дыбы: мы этого не хотим, этого не будет, если КПРФ это так надо, то пусть поставят у себя во дворе и на него там молятся, а город пусть не портят. Это нормальная борьба для правильно устроенного демократического общества. Только надо понимать, что есть границы, за которые она не должна заходить. Ведь нельзя, скажем, ради толерантности оправдывать людоедство и интересоваться мнениями людоедов. И вот такие естественные границы пока в обществе поставлены не везде. **КФ**

Белые идут в наступление

Весной 1919 года Красная армия начала отступать почти на всех фронтах

СЕВЕРО-ЗАПАД

Северо-Запад бывшей Российской империи уже в 1918 году разделился на добивавшиеся независимости бывшие пограничные губернии (Финляндия, Польша и три прибалтийские республики, получавшие заметную поддержку и государств Антанты, и Германии) и собственно русские области, такие как Петроградская, Псковская, Новгородская губернии.

Если Латвия и Литва вели гражданскую войну в первую очередь на своей территории, то в Финляндии на базе части бывших войск Российской армии и добровольцев после революции стали формироваться добровольческие отряды «белофиннов», которые к апрелю 1919 года были объединены в двухтысячную Олонецкую армию. В апреле она захватила всю Южную Карелию и подошла к Петрозаводску.

2 мая Петроград был объявлен красными на военном положении. В городе был создан «Комитет рабочей обороны». Высшая власть в городе передавалась «чрезвычайным политическим тройкам», создаваемым в каждом районе города. Началась мобилизация.

Тем временем во всём русском северо-западе, находившемся к началу весны 1919 года под властью большевиков, возникали то здесь, то там многочисленные

крестьянские восстания. Части добровольческого Псковского корпуса, базировавшиеся на территории Эстонской республики и формально вошедшие в начале декабря 1918 года в подчинение эстонскому главнокомандованию и переименованные в Северный корпус, в течение марта и апреля предприняли ряд успешных партизанских рейдов, прежде всего в районе Гдова. В результате было принято решение о более крупном наступлении, и 13 мая трёхтысячный Северный корпус прорвал под Нарвой фронт 7 армии РККА. 15 мая белыми был взят Гдов, 17 мая – Ямбург, 25 мая – Псков, 28 мая они вышли на подступы к Гатчине, в начале июня – к ближайшим подступам к Петрограду: Ропше, Ораниенбауму, форту «Красная горка». Но взять их Северному корпусу так и не удалось.

ЗАПАД

События на Украине весной 1919 года во многом определялись действиями «атамана повстанцев Херсонщины и Таврии» Никифора Григорьева. Он сумел объединить многочисленные партизанские отряды в одну повстанческую армию. К осени 1918 года в неё входило около 120 отрядов и боевых групп общей численностью до 6 000 человек. С декабря подчинявшийся Петлюре,

в начале февраля Григорьев (бывший по партийной принадлежности эсером) вместе со своими отрядами перешёл на сторону большевиков. 10 марта его войска (в составе РККА) заняли Херсон, 8 апреля Одессу. Однако уже к середине апреля союз Григорьева с большевиками затрещал по швам из-за возмущения его крестьянской армии тем, как проводилась продразверстка. 8 мая Григорьев открыто восстал против большевиков и обратился к украинскому народу с призывом создавать повстанческие отряды. Во многих городах произошли восстания, и значительная часть войск РККА поддержала восстание Григорьева. Сам он со своими отрядами занял Екатеринослав, Кременчуг, Умань, Александрию; занятие городов сопровождалось еврейскими погромами. К концу мая красные, направившие против восставших вдвое превосходящие силы, отбили все занятые ими города, а сам Григорьев в июне был убит махновцами.

В конце апреля красные в очередной раз ненадолго (на два месяца) овладели Крымом; в этот период красный террор на территории полуострова был менее жесток, чем в 1917–1918 и 1920–1921 годах – предположительно потому, что в состав местных руководителей входили умеренные социалисты.

События на Украине весной 1919 года во многом определялись действиями «атамана повстанцев Херсонщины и Таврии» Никифора Григорьева. С декабря подчинившийся Петлюре, в начале февраля Григорьев вместе со своими отрядами перешёл на сторону большевиков.

Один из тактических союзов «зелёных» и «красных»: атаман Григорьев и командующий Украинским фронтом РККА Антонов-Овсеевко

ЮГ

Весной 1919 года на Дону неожиданно для большевиков вспыхнуло и приняло широкие размеры восстание. «Мы узнали о нём в начале марта, – пишет в своих воспоминаниях А.И. Деникин, – но лишь позднее, в апреле, когда донцам удалось установить воздушную связь с восставшими, обнаружилось потрясающие картины большевистского властвования на Дону. Со всех сторон неслись вопли, рассказы о массовых злодействах, об осквернении церквей, о поджогах и грабежах, об изнасиловании женщин и детей... “Душа казака не вынесла такого испытания”, – писал окружной совет восставших... Советское командование для умирения восстания снарядило экспедиционный корпус, но он успеха не имел. К апрелю у восставших насчитывалось до 30 тысяч бойцов и 6 орудий. У них не хватало оружия и патронов, но зато было мужество отчаяния».

К середине апреля, то есть через полтора месяца после начала наступления советских армий, войска Кавказской Добровольческой и Донской армий стояли на той же линии, что и до наступления. По словам ген. Деникина, «...начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооружённых сил Юга. Фронт большевистский дрогнул, и все наши армии – от Каспийского моря до Донца и от Донца до Чёрного моря – были

двинуты в решительное наступление... На Северном фронте к середине мая установилось более благоприятное для нас соотношение сил: против 50,5 тысяч войск Вооружённых сил Юга сражалось уже только 95–105 тысяч красных войск Гиттиса».

10-я советская армия поспешно отступала на Царицын, преследуемая всеми войсками Кавказской армии. Командующим этой армией был назначен генерал Врангель.

Одним из важных событий этого времени стал ещё один шаг к единству белых армий: 30 мая был издан приказ Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России генерал-лейтенанта Деникина. В приказе говорилось: «Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании. Исходя из этого глубокого убеждения, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий».

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России».

ВОСТОК

В начале марта 1919 года 107-тысячная армия адмирала А.В. Колчака развернула наступление против примерно сопоставимых сил Восточного фронта

РККА, намереваясь соединиться в районе Вологды с Северной армией генерала Миллера (на это соединение шла Сибирская армия), а основными силами наступать на Москву.

В марте-апреле войска Колчака, взяв Уфу, Ижевск и Воткинск, заняли весь Урал и с боями пробивались к Волге, но были вскоре остановлены превосходящими силами красной армии на подступах к Самаре и Казани. 28 апреля 1919 года красные перешли в контр наступление.

В это же время в тылу Восточного фронта красных началось мощное крестьянское восстание (Чапанная война) против большевиков, охватившее Самарскую и Симбирскую губернии. Численность восставших достигла 150 тысяч человек. Но плохо организованные и вооружённые повстанцы были к апрелю разгромлены регулярными частями Красной армии и карательными отрядами ЧОН, и восстание было подавлено.

***

И в этом, и в нескольких следующих обзорах мы будем свидетелями того, как «огромные тысячные весы зависли – и маленькой гирьки хватало туда или сюда». И каждый из этих обзоров будет сопровождаться комментарием историка, размышляющего, почему же в конечном счёте эти весы склонились в сторону красных. КФ

Так почему же красные победили?

Интервью с ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского Института истории РАН доктором исторических наук Борисом Ивановичем Колоницим

Почему исход Гражданской войны оказался таким, каким оказался? Ведь ещё в 1919 году весы качались и в ту, и в другую сторону?

Самый простой ответ такой: красная армия победила в Гражданской войне, потому что она обладала значительным количественным превосходством.

Откуда рождалось это количественное превосходство? Да, были постановления Совета рабочей и крестьянской обороны и Совнаркома о том, что даже тех, кто укрывал дезертиров, т. е. не явившихся по призыву, могли расстрелять и в лагерь отправить. Но с какого-то момента и у Колчака был призыв и какие-то карательные меры к тем, кто не явился...

Сейчас есть исследования и дезертирства, и так называемых зелёных, которые связаны с дезертирством. Красные вели самую настоящую войну, чтобы мобилизовать людей в армию. Трудности с мобилизацией испытывали все, были и проблемы с призывом. Многие участники Гражданской войны служили в разных армиях, переходили и в одну сторону, и в другую. Будущий советский маршал Говоров, например, был офицером в армии Колчака, а потом со своей батареей перешёл на сторону красных. И многие из этих колчаковских солдат и офицеров потом сражались против Врангеля. Конечно,

при мобилизации кроме насилия была и пропаганда, были и какие-то меры стимулирования. Просто масштабы таковы, что красная армия к концу Гражданской войны насчитывала 5,5 млн человек. Не все из них были бойцами, но где-то 3 млн – это участники боевых действий.

Были разные ситуации, т. е. на каком-то этапе, в каких-то операциях сначала у Колчака бывало иногда количественное превосходство. Но в целом на протяжении Гражданской войны красные имели огромное количественное превосходство. Скажем, Юденич почти дошёл до Петрограда, имея менее 20 тыс. человек. Красных было в разы больше, и Ленин при этом говорил, что хорошо бы ещё несколько десятков тысяч перекинуть в Петроград. У Колчака было менее 400 тыс. на всю огромную Сибирь, где ему приходилось сражаться и с партизанским движением, направленным против него. Когда Деникин шёл на Москву, в его армии было 150 тыс. человек и только треть из них действовала против красных. Остальные действовали против других сил.

Важно понимать, что и эти другие силы были разнообразны и достаточно многочисленны. Мы считаем, что Гражданская война была войной белых и красных. Это ошибка. Существовали группировки «зелёных», формирования национальных движений, иные силы.

Да и белые – это условный термин. Там были все, от эсеров до монархистов. И у красного цвета тоже было очень много оттенков. Кто может быть более красным, чем кронштадтские матросы? Но в 1921 году они восстали, считая себя участниками «третьей революции». Руководитель тамбовского крестьянского восстания Антонов был начальником уездной милиции. Убили бы его в 1918 году – вспоминали бы его как «героя Октября»...

Вообще картина антибольшевистского сопротивления во многом похожа на лоскутное одеяло. Грузия – это меньшевики, Поволжье – эсеры, Русский Север – «умеренные социалисты», Юг России – «непредрешиенцы» и монархисты...

И они очень разные. Эсеры – это вообще особая песня. Но даже в этом контексте Архангельск очень отличается от других регионов. Во-первых, он очень зависел от продовольственных поставок союзников. А во-вторых, как показывают некоторые исследования, белые здесь очень опирались на земскую структуру. Земство там ввели только в 1917 году, но это легло на традицию местного самоуправления и оказалось очень важным ресурсом.

Так почему же при всём разнообразии ситуации чаще шли к красным, а не к белым?

На стороне красных был один очень важный фактор – соци-

Б. И. Колоницкий

Мы считаем, что Гражданская война была войной белых и красных. Это ошибка. Существовали группировки «зелёных», формирования национальных движений, иные силы. Да и белые – это условный термин. Там были все, от эсеров до монархистов. И у красного цвета тоже было очень много оттенков.

ально-культурный. Гражданская война – это очень быстрая вертикальная мобильность. Какой-нибудь штабс-капитан мог стать генералом у белых. Но у красных не только штабс-капитан, а и унтер-офицер или фельдшер мог запросто стать командиром дивизии, как Чапаев или Щорс. То есть условий для вертикальной мобильности было значительно больше. А когда человек приходит во власть, одновременно вся его деревня, вся его родня может благодаря этому что-то получить.

И ещё: важен был не только классовый конфликт, который не всегда «работал» в ходе Гражданской войны (большевики пытались расколоть деревню по классовому принципу, но у них это не очень получилось), но социально-психологический конфликт. Одно дело, когда в село приходил «свой», из крестьян, и требовал, скажем, подвод, лошадей. А другое дело – какой-нибудь «офицерик», который говорил на другом языке, принадлежал к другому культурному миру...

Здесь всё-таки можно вспомнить, что основные вожди Белого движения были гораздо ближе к народу, чем руководители большевистской партии. Деникин, Корнилов,

Алексеев были выходцами из крестьян, их отцы начинали службу простыми солдатами...

Тем не менее каждый из них закончил военное училище и Академию Генерального штаба, прошёл «много этажей». А в красной армии люди «подскакивали» совершенно «снизу».

Однако с красной стороны фронта было много военачальников совсем не от плуга и сохи, достаточно вспомнить того же Тухачевского.

Я не про этих людей говорю, а про выдвиненцев более низкого, но более массового звена. Некоторые историки (и я вслед за ними) говорили о появлении в 1917 году так называемого «комитетского класса». Когда после «Приказа №1» были созданы войсковые комитеты, и Алексеев своим приказом их утвердил¹, в них вошли сотни тысяч человек. Это были молодые честолюбивые люди, очень часто унтер-офицеры с боевым опытом и со вкусом к власти. Один из ключевых вопросов революции был – что делать с этими людьми? И без них Гражданская война не произошла бы в том виде, в котором она произошла. У белых очень большую часть офицерства составляли молодые офицеры эпо-

хи Первой мировой войны, но у Красной армии без этих полевых командиров из бывших унтер-офицеров и прапорщиков ничего бы не получилось. И большевики с этой «партизанской вольницей» лучше работали, чем белые. Мне сложно представить, чтобы Махно хоть о чём-то договаривался с белыми. С красными же он то дружил, то раздруживался... И многие так же.

Они говорили на одном языке – на усвоенном ими политическом языке 1917 года. И энергию этого социокультурного конфликта антибольшевистских партизанских отрядов, движений и т. д., так же как и энергию этнических конфликтов большевики использовали более умело, чем кто бы то ни было.

И все они – как национальные сепаратисты, так и мелкие движения – были во многом завязаны на стремление отдельных людей продвинуться во власть...

Потому что любая политика – это про власть, и тем более политика эпохи революции и гражданской войны. Но так сложилось, что белые по большей части в политике понимали мало, и это ещё одна из причин их поражения. **КФ**

¹ После «Приказа № 1», выпущенного Петросоветом в первые дни февральского переворота и ставшего одной из причин нараставшего развала армии после февраля 1917 года, в войсках стихийно стали возникать солдатские комитеты. Стремление ввести этот процесс хоть в какие-то рамки привело к изданию приказа Верховного главнокомандующего (которым в тот момент был М.В. Алексеев) от 30 марта 1917 г., которым вводилось

«Временное положение об организации чинов действующей армии и флота». Положение, декларируя обязательность создания солдатских комитетов во всех подразделениях, закрепляло за офицерами 1/3 мест в солдатских комитетах всех степеней. Кроме того, оно сводило деятельность солдатских комитетов к решению в основном хозяйственных и бытовых вопросов, организации культурно-просветительной работы.

Доктор филологии, в монашестве Игнатия

Из воспоминаний М.А. Немойтиной¹,
учительницы литературы из Петербурга, о В.И. Балинской²

Есть люди, которые с первой встречи входят в твою жизнь и живут в сердце. И ты ещё не понимаешь, почему, и ты не во всём согласен с ними, но чувствуешь – это настоящее. Так было и с Верой Игнатъевной Балинской, монахиней Игнатией, в миру – доктором филологии, преподавателем, специалистом по английскому языку, автором учебников.

Я познакомилась с Верой Игнатъевной в начале 1950-х годов. Она преподавала в Ленинградском университете на филологическом факультете английский язык. У нее училась моя подруга Ксения Дмитриевна (Михайлова), которая стала другом Веры Игнатъевны до последнего часа её жизни. Правильнее было бы сказать, до последнего часа своей жизни, – скончалась Ксения Дмитриевна в 1987 году³.

То, о чем я хотела бы рассказать, я знаю от самой Веры Игнатъевны. Или наблюдала сама.

Вера Игнатъевна очень любила своего отца, была с ним с самого детства душевно близка. Игнатий

Иванович был глубоко религиозным человеком, и Вера Игнатъевна, безусловно, испытала его огромное влияние⁴. На Евангелии, которое всю жизнь было с Верой Игнатъевной, была такая надпись: «Вот это Евангелие, подаренное мне в Крыму, в Дюльбере, в 1921 году мамой, я по завету отца, данному мне им в детстве после первой моей исповеди, “читать эту книгу каждый день”, читала каждый день всю жизнь. 15 декабря 1979 года». Ещё девочкой она мечтала о жертвенном пути, о пути монахини. В 17 лет она написала стихотворение, в котором были такие строки:

Я грозных мук хочу, терзающей борьбы,
Отчаянья хочу, в отчаянье молиться,
Я навсегда хочу с спокойствием проститься,
Хочу безумного бессмертия любви.

Позже она напишет в письме: «Все пожелания сбылись не позже, чем через три месяца после написания этого пророческого в моей жизни стихотворения».

¹ Текст воспоминаний М.А. Немойтиной предоставлен крестником и учеником Веры Игнатъевны М.А. Семёновым-Тян-Шанским.

² Вера Игнатъевна Балинская (1902–1980) – филолог, преподаватель, заведовала кафедрами английского языка в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей (1944–1946), во 2-м Ленинградском государственном педагогическом институте иностранных языков (1938–1941, 1948–195?), в Ленинградском государственном университете им. Жданова (до 1967 г.). Похоронена в Куремяз, Эстония. Среди подготовленных ею изданий: Учебник английского языка: пособие для студентов I курса фак. иностр. яз. пед. ин-тов / В.И. Балинская, Е.А. Полтавцева, Е.И. Шаргородская. М.; Л., Просвещение, 1967; Графика современного английского языка: Учеб. пособие / В.И. Балинская. М.: Высшая школа, 1964; Орфография современного английского языка: Учебное пособие / В.И. Балинская. М.: Высшая школа, 1967.

³ После отъезда Веры Игнатъевны в Пюхтицы в 1967 г. Ксения Дмитриевна стала её главным «каналом связи» с внешним

миром – через неё шли все письма, она исполняла все её поручения, она же заботилась о Вере Игнатъевне во время её последней болезни.

⁴ Балинский Игнатий Иванович (1867–1920) – сын действительного тайного советника, доктора медицины, крупного психиатра Ивана Михайловича Балинского (1827–1902). Выдержал экзамен за курс кадетского корпуса при 1-м кадетском корпусе. В службу вступил в 1888 г. Окончил 2-е военное Константиновское училище. Управляющий конторой Двора Великого князя Николая Николаевича (с 1908 г.). Уволен от службы за болезнью 24.09.1917 г. В 1918–1920 гг. проживал в Крыму. После эвакуации Русской армии ген. П.Н. Врангеля из Крыма и занятия полуострова частями РККА арестован органами ЧК в Ялте и расстрелян. Имел награды: ордена Св. Анны 3-й ст. (1901); Св. Станислава 2-й ст. (1904); Св. Владимира 3-й ст. (1910). В расстрельных списках ЧК в Ялте числится с чином полковника, хотя был произведён в генерал-майоры.

В.И. Балинская

В начале пятидесятих годов Вера Игнатьевна узнала от своей подруги о замечательном священнике отце Петре (Серёгине), который был священником Успенского собора Пюхтицкого женского монастыря. Будучи человеком решительным, она отправилась в Эстонию.

худ. Ефимов А.С.

Иеромонах Пётр (Серёгин)

В 1920 году, когда вся семья жила в Крыму, в Мисхоре, им было предложено уехать за границу. Игнатий Иванович отказался. (Вера Игнатьевна, кстати, подобно отцу, во все, самые тяжёлые времена никогда не считала возможным покинуть Россию.) И вскоре за Игнатием Ивановичем пришли, хоть он уже не носил генеральский мундир. Вера Игнатьевна говорила, что его предал офицер, служивший с ним. (Фамилии называть не буду, так как факт непроверенный.)

Брат Веры Игнатьевны, двадцатилетний Николай, Катусик (так звали его дома), встал рядом с отцом. «На вас приказа нет», – сказали ему. Но сын стоял рядом с отцом, и увели обоих. Это было утром. Вечером того же дня Вера Игнатьевна с мамой пошли искать их, чтобы передать еду. Они разыскали арестованных в сарае, набитом до отказа подозреваемыми офицерами. Удалось передать еду и даже попрощаться: «Не беспокойтесь, – утешал Игнатий Иванович, – всё будет хорошо».

«Приходите утром», – добавил часовой.

Утром сарай был пуст. Все были расстреляны ночью, в болоте, без следа. Что было с матерью и дочерью, надо ли говорить?!

Через несколько дней сын хозяина, мальчик (они жили в доме, принадлежавшем семье крымских татар; Вера Игнатьевна с большим уважением и симпатией относилась к ним; уже после войны, когда она опять стала приезжать в Мисхор, она встречалась с ним, ставшим уже взрослым мужчиной, он помнил об этом страшном событии и месте, где всё произошло) показал место расстрела – тихое, спокойное болото погребло всех. Вскоре Вера Игнатьевна с мамой вернулась в Ленинград. Всю жизнь она сначала с мамой, а когда мамы не стало, одна каждый год ездила в Мисхор на место гибели отца и брата. Вблизи болота оказалось дерево с глубоким дуплом. Туда Вера Игнатьевна поместила икону и ежегодно совершала там панихиду и молилась. Болото почти заросло, я видела много фотографий этого места и подробно знаю от Ксении Дмитриевны обо всём, что там происходило. У Веры Игнатьевны был небольшой альбомчик с фотографиями, посвящёнными этому трагическому событию. Всё это хранилось в страшной тайне, никому не рассказывалось.

В начале пятидесятих годов (кажется, в 1954 году) Вера Игнатьевна узнала от своей подруги о замечательном священнике отце Петре (Серёгине),

который был священником Успенского собора Пюхтицкого женского монастыря. Будучи человеком решительным, она отправилась в Эстонию. Добравшись на поезде до Йыхви, она попала в затруднительное положение: до Пюхтиц никто не хочет ехать, плохая дорога, темно, поздно... Отчаявшись, одна, на морозе, Вера Игнатьевна решила искать гостиницу до утра. И вдруг – остановилась грузовая машина, и шофёр согласился довезти её до места. Это было как чудо. Не последнее на этой земле. Так она узнала отца Петра (Серёгина) Пюхтицкого, духовной дочерью которого оставалась до конца своих дней. Он скончался в августе 1982 года, на два года пережив Веру Игнатьевну. Отец Пётр очень много значил для Веры Игнатьевны, и она с благоговением к нему относилась.

В Пюхтицах Вера Игнатьевна посетила мать Екатерину⁵, была взволнована её словами о грядущей перемене в своей жизни, совершенно ей непонятными. В 1967 году Вера Игнатьевна вышла на пенсию и, несмотря на настойчивые уговоры не уходить из Университета, решительно уволилась и вскоре поменяла Ленинград на Йыхви, и только тогда ей стало всё понятно: она узнала то место, которое в деталях предсказала мать Екатерина, рассказывая, где Вера Игнатьевна будет жить. Это было второе чудо.

С этих пор жизнь Веры Игнатьевны была посвящена Богу и молитве. Правда, она по ночам продолжала работать над книгами (которые выходили с шестидесятого года). Вообще мать Игнатия не признавала слов «я не могу», «мне некогда», касалось ли это работы в церкви, посещения больного, помощи кому-то. Если ей говорили: «я не могу приехать, я не успеваю», она неизменно отвечала: «поезжайте ночью, прекрасный ночной автобус есть». И сама поступала именно так.

Став монахиней Пюхтицкого монастыря, мать Игнатия исполняла (чаще всего!) роль сторожа. Но скольким же людям, совершенно далёким от религии и не умеющим думать, она свидетельствовала о Боге; скольким она помогла увидеть себя другими глазами; причём это были и пожилые люди, и очень молодые, и вошедшие за ограду в непотребном виде, и развязно державшиеся. Надо было видеть, как они буквально на глазах преображались. И ведь говорила с ними мать Игнатия мягко, с улыбкой. Я

сидела на скамеечке напротив входа в церковь и всё это видела. Вот странно, сама её фигура в черном облачении, слегка наклонённая вперёд, как бы заранее говорила: не бойтесь, я не горжусь перед вами, я тоже грешная, я просто хочу вам помочь. Во всяком случае, мне так казалось.

Мне кажется, к Вере Игнатьевне некоторые сёстры испытывали неприязнь как к человеку высокодуховному, интеллигентному, доброму, глубоко верующему, не формально, а душой, и поэтому от многих отличающемуся. Её близкие друзья очень страдали за неё, а она нам, пытавшимся защитить её, говорила: «Не надо, не волнуйтесь, значит, так надо, чем тяжелее крест, тем лучше». И мы смолкали, а сердце сжималось от боли: чёрная фигурка на белом снегу, замёрзшая, по-доброму улыбалась, а глаза умоляли: «Не надо на них сердиться, они не виноваты, что они такие». И, умирая, завещала хоронить себя очень скромно и написать на кресте «недостойная».

При всей глубине и ответственности, невероятном чувстве долга, «нежалении» себя, уме, образованности Вера Игнатьевна была человеком сильным, решительным, весёлым, остроумным и общительным.

С Верой Игнатьевной всегда было интересно, о чём бы она ни говорила. Все мы, кто знал её и был близок к ней, – а это люди разных возрастов, – помнят Веру Игнатьевну, вспоминают её.

И ещё об одном. Вера Игнатьевна всю жизнь жила очень скромно, не скопила ни богатств, ни денег, помогала многим, хотя часто сама нуждалась в помощи. И тем не менее сохранила неприкосновенными очень ценные вещи, которые завещала передать монастырю после своей смерти. Воля её была неукоснительно исполнена, и через несколько дней после смерти Веры Игнатьевны её драгоценности были переданы монастырю Ксенией Дмитриевной Михайловой и племянником Веры Игнатьевны Никитой Субботиным.

***

Писала я это всё, глядя на стоящую передо мной фотографию Веры Игнатьевны, очень верно передающую её милое задумчивое лицо, которое и так я помню живым.

Сентябрь 1992 года

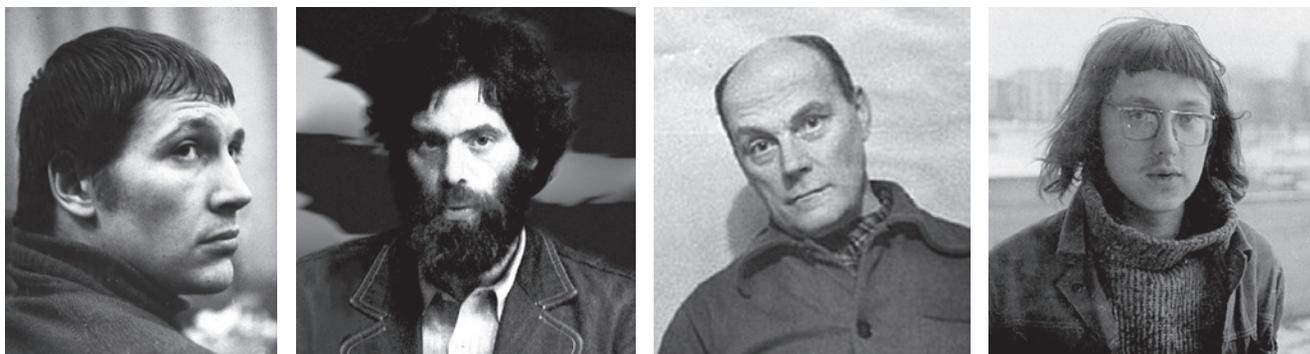
⁵ В Пюхтицком монастыре подвизалась старица высокой духовной жизни, монахиня Екатерина (Малков-Панина). Отец Пётр был её духовником. 20 марта 2018 г., в день памяти 40 Севастийских мучеников, в Успенском Пюхтицком

ставропигиальном женском монастыре в Эстонии состоялось прославление блаженной старицы монахини Екатерины (Малков-Паниной).

«...Но Христос предается сегодня»

Несколько слов о Пасхе крестной в поэзии андеграунда

Борис Кольмагин

Олег Ошапкин, Виктор Кривулин, Александр Солодовников, Василий Филиппов

Пасхальная тема в поэзии 1960–1980 годов звучит гораздо скромнее, чем рождественская. Тем не менее, мы её слышим. Даже в произведениях, где о главном празднике напрямую не говорится. Так, Бродский, размышляя о приходе в мир Спасителя, не проходит мимо тайны Креста:

*Мать говорит Христу:
– Ты мой сын или мой
Бог? Ты прибит к кресту.
Как я пойду домой?*

Пасха крестная представлена в культурном подполье, безусловно, объёмнее, чем Пасха воскресная. Возможно, потому что образ страдающего Христа увязывался поэтами ещё и с работой репрессивной машины тоталитарного государства. Например, Виктор Кривулин изобразил Сына Человеческого узником ГУЛАГа. Он среди заключённых, над Ним издеваются, Его приговорили к смерти. Но, даже будучи униженным, Христос даёт силы другим людям жить:

*По слухам, расстрелян. Казался распятым,
но видел сегодня: Его в коридоре
вели под конвоем. Меня оттеснили к стене,
успел различить над Его головою
движение круглое, ставшее Светом во мне.*

Александр Солодовников, вступая в Страстную седмицу, вспоминает (в стихотворении «Вербная всенощная», 1961) родных и близких, умерших или погибших в советских застенках и трудовых лагерях. Каждый шарик вербы символизирует дорогое лицо:

*Тот шарик без зелени –
Друг мой расстрелянный,
К веткам прильнувший –
Племяш утонувший,
Смятый и скрученный –
Брат мой замученный,
А тот глянцевитый –
Брат мой убитый.*

Мы буквально чувствуем тяжесть и скорбь, которые сковали человека. Но вот происходит поворот к свету:

*Лица людей – лики икон,
Каждый свечою своей озарён.*

Вместе с автором читатели оказываются в метафизической области, где всё дышит надеждой на спасение.

Ленинградец Василий Филиппов посвятил Пасхе крестной «Великопостное чтение». В нём описана служба Двенадцати Евангелий. Действо происходит во сне «в Парголово / на холме». Тем не менее антураж вполне церковный:

Николай Ге. Христос в Гефсиманском саду

*В храме людно.
Вздох старух изумрудный.
Шепчутся, крестятся
Перед иконами люди.*

Узнаются и фрагменты чтения. Вот Пётр ударяет раба, вот Христа ведут в синедрион.

Скупыми штрихами соединяет Филиппов евангельское повествование с советской историей, впрочем, не совсем прояснённой («он на меня посмотрел / когда уводили меня на расстрел»), с греческим мифом («Бог Подземный, Хароне») и с собственными проблемами («Здесь, в Парголово, меня преследует бес-алкоголик»). В целом получается тянущая на работу художника-примитивиста картина, где стих помнит об опытах футуризма.

В 1970 году Олег Охупкин пишет «Моление о чаше». Этот текст далёк от канонического рассказа. Да, Христос оказывается в саду, где Его предадут. Да, он обращается к Отцу за помощью. Но разговор какой-то странный, реальность всё время ускользает. Второе стихотворение Охупкина «Всеобъятная тьма и печаль» (1983) выполнено в более традиционной манере. Поэт погружается в пространство Гефсимании и при этом говорит об утраченной земной любви. Ничего кощунственного в таком соединении нет, поскольку автор реально страдает, а не играет с любовью и религией:

*Тайно скажем друг другу: прости!
И да сбудется воля Господня.
Тайна, светлая радость, расти!
Бог придёт нас от смерти спасти,
Но Христос предаётся сегодня.*

Потерянная любовь здесь рифмуется с предательством Иуды.

Также остаётся «на подступах» к событию Елена Игнатова. Её стихи «Страстная неделя» (1970) выстроены как диалог автора с подругой. Поэтесса сопрягает впечатления от весеннего города («деревья

подтаивают изнутри, / под солнцем дымятся теперь пустыри») с церковными воспоминаниями:

*Но эти семь дней
мерещилась сердцу больному Голгофа
среди городских раскалённых камней,
и проволока в небе, и солнце над ней.
Пустыня. И горечь. И грохот.*

Несколько произведений, в которых сделана попытка максимально приблизиться к евангельскому тексту, появились в конце 1980-х. Предприняли её, правда, поэты не первого ряда. Алексей Сосна, большой почитатель Пастернака, пишет текст «...а в Гефсиманском саду Он молился о чаше, а после...» Технически стихи написаны блестяще. Это прекрасный образец риторики, насыщенной евангельскими образами. Причём образы интересно поданы: «жалил чело поцелуй черный», «мстительно в спину петух провопил о позоре его» и т. п.

Сосна, как и Бродский в «Сретенье», следует за Писанием, а затем делает резкий поворот. Мы видим ситуацию уже глазами живописца, не холодного эстета, а булгаковского Мастера. И этот Мастер как бы создает метафизическую реальность:

*Сильные пальцы творца.
И игла по металлу скользила.
И волосок золотой извивался под хрупкой иглой...
И проступало лицо, а когда наконец проступило,
был Он отозван Отцом, ибо время Его истекло.*

Александр Закуренок в произведении «Гефсиманская ночь» тоже близок Пастернаку. Его текст, как и текст Сосны, можно считать своеобразным ремейком стихов из романа «Доктор Живаго». Стихи музыкальны, пластичны. Вместе со смысловой проблемой они решают и поэтическую задачу: непростая полиметрическая строфа требует всё новых и новых подходов. И автор их демонстрирует. Например, рифмует «стекло» и «чело» в таком контексте:

*И пространства и времени злое стекло
Преломить не способны сей путь до Челов-
ека.*

В Гефсиманию автор не забывает поместить и себя. Но этот ход не нарушает иконного пространства. Поэт оказывается в саду примерно на том же основании, на котором оказывались заказчики икон на древних досках. Как и они, он молит Творца о спасении:

*Боже, даруй же мне для судьбы рамена!
Я боюсь не допить до безбрежного дна
Твою помощь.
Сад с долиной всё тоньше, и озарена –
В людях, горах, равнинах – вся Божья страна,
Земли все, вся Земля. В ней – Голгофа видна
И – начало пути – на все веки и на
Гефсиманскую полночь.*

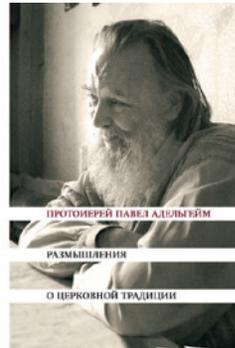

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования о братской и общинной жизни в истории и современности, о трагическом и полном надежды и силы духа опыте новомучеников Церкви русской, тексты православного богослужения на русском языке в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе в электронном формате), беседы для тех, кто готовится к вступлению в Церковь

Среди наших новинок ранее не издававшиеся книги:
«Ива Эдесский и его время» протопр. Николая Афанасьева,
«Евхаристическая экклезиология сегодня»,
«Хрестоматия по мистагогии»,
свежие выпуски Вестника СФИ
«Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Т Е М А

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Воскресение Христа – такая же историческая реальность, как и Его смерть на Кресте, и именно потому, что оно принадлежит истории, мы верим в него. Не только сердцем, но всем целостным нашим опытом мы знаем воскресшего Христа. Мы можем знать Его изо дня в день, как знали Его апостолы. Не Христа во плоти, не Христа, каким Его с изумлением видели окружавшие Его люди во дни Его земной жизни, но вечно живого, бессмертного Христа, Христа, которого, как говорит апостол Павел, мы знаем духом, воскресшего Христа, Который принадлежит времени и вечности, потому что, однажды умерев на кресте, Он живёт вечно.

Воскресение Христа – единственное, неповторимое событие, которое принадлежит равно прошлому и настоящему. Прошлому, потому что оно произошло в определённый день, в определённом месте, в определённый момент, потому что его видели и познали как событие во времени, в жизни тех, кто знал Христа. Но оно также принадлежит и каждому дню, потому что Христос, однажды воскреснув, жив вечно, и каждый из нас может знать Его лично; и пока мы не познали Его лично, мы не знаем ещё, что значит быть христианином.

Митрополит Сурожский Антоний (Блум)